

Анна Есина

Саймон

«Литнет»

2025

Есина А.

Саймон / А. Есина — «Литнет», 2025

Что может быть общего между скромной сотрудницей почты и харизматичным врачом-травматологом? Судьба решает сыграть с ними злую шутку, когда Геля, полная девушка с целым букетом претензий к своей внешности, оказывается в больнице под опекой красавца-доктора Семёна. Но не всё так просто в этой истории любви! За маской успешного врача скрывается тайна, способная перевернуть мир Гели с ног на голову. Оказывается, её спаситель – не просто человек, а вампир, ведущий двойную жизнь между обычной больницей и особым учреждением для сверхъестественных существ. А тут ещё появляются загадочные родственники: сестра-близнец с удивительными способностями луминарии, умеющая читать чужие эмоции, и мать, решившая спустя столетие навестить своих необычных детей. Сможет ли Геля принять правду о своём возлюбленном? Какие ещё тайны скрываются за фасадом обыденности? И что произойдёт, когда все карты будут раскрыты? Эта история – коктейль из романтики, мистики и тонкого юмора. Здесь каждый персонаж хранит свои секреты, а сюжетные повороты держат в напряжении до последней страницы. Погрузитесь в мир, где реальность переплетается с фантазией, а любовь побеждает любые преграды.

© Есина А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1

В душном помещении почтового отделения воздух казался раскалённым до предела. Кондиционеры не работали уже неделю. Столбик термометра за окном в дневные часы не опускался ниже отметки в 35 градусов. Люди в очереди к единственному работающему окну обмахивались чем попало. Кто журналом, кто сумочкой, кто носовым платком, а один мужчина и вовсе поливал лицо водой из пластиковой бутылки.

За компьютерным столом сидела Ангелина – молодая женщина с добрыми карими глазами и румянцем на щеках. Её вежливая улыбка, казалось, приклеилась к лицу намертво, несмотря на то, что день выдался особенно тяжёлым.

Внезапно в отделение ввалился мужчина лет сорока – грязный, неопрятный, излишне загорелый не то от тяжёлой физической работы на открытом воздухе, не то от нередкого сна в алкогольном угаре под палящим солнцем. Не обращая внимания на очередь, он ринулся к окошку.

– Слышь, ты! – рявкнул он, нависая над прилавком. – Пенсию давай!

Ангелина, хотя она предпочитала сокращённый вариант – Геля, подняла глаза на дебошира и молвила, стараясь сохранить профессионализм:

– Здравствуйте. Документы, будьте добры.

Хамоватый тип, от которого за версту разило горьким дурманом перегара, бросил на столешницу потрёпанный мобильник и дешёвый бумажник с паспортом, пенсионным удостоверением и пластиковой картой СНИЛС.

Геля тщательно изучила документы, увидела пометку о дате выдачи предыдущей пенсии, сверилась с показаниями настольного календаря и отрицательно помотала головой.

– Простите, у вас пенсия 15-го числа, а сегодня только 14-е. Приходите завтра.

– То есть как завтра? – взревел нетрезвый посетитель. – Мне сегодня надо!

– Прекрасно вас понимаю, но ничем не могу помочь. Приходите завтра.

– Помочь?! – перебил мужчина. – Да я завтра на вахту уезжаю! Пенсию давай, а то жалобу накатать могу!

– Для досрочной выплаты пенсии необходимо письменное разрешение из социального фонда, – спокойно ответила Геля. – Я не могу взять на себя такую ответственность.

– Был я в твоём фонде, кикимора жирная! Да меня там послали прямо к тебе! – заорал мужчина, стуча кулаком по прилавку. – Сказали, что тут всё решат!

Очередь зашевелилась, кто-то начал недовольно перешёптываться. Геля почувствовала, как к щекам приливает кровь. Она так не любила конфликты, особенно когда несправедливо обвиняли её.

– Понимаете, – начала она, понизив голос, – даже если в фонде вам так сказали, без документа я не имею права...

– Ах так?! – взревел забулдыга. – Тогда я сейчас позвоню куда надо! Тебя под жопу отсюда турнут, корова неповоротливая!

Старушка из очереди не выдержала:

– Мужчина, вы бы потише! Что вы с девушкой скандал устраиваете!

Но дебошир только отмахнулся:

– А ты, бабка, в жопу иди! Не твоего ума дело!

Геля сжала кулаки под столом. Её глаза наполнились слезами, но она изо всех сил старалась держаться.

– Если вы успокоитесь и послушаете, решение непременно найдётся. Сходите в социальный фонд, уточните, где вам дадут бумагу с разрешением о досрочной выплате пенсии, и ситуация будет решена, – произнесла она, стараясь говорить твёрдо.

Но мужчина уже вошёл в раж. Он продолжал кричать, размахивал перед лицом работницы почты мобильным телефоном со включённой камерой, сыпал ругательствами и оскорблениями, пока очередь не начала роптать всё громче и громче.

– Ты, бестолковая жиробасиха! – орал он, брызгая слюной. – Да я тебя сейчас так отделаю, что неделю сидеть не сможешь!

Ангелина вжалась в стул, но продолжала стоять на своём:

– Я не могу нарушить правила. У меня нет права выдавать пенсию до наступления даты выплаты. Либо идите в социальный фонд, либо приходите за пенсией завтра.

– Да ты просто издеваешься! – взвыл посетитель. – Из-за тебя я на вахту опоздаю!

Кто-то из очереди демонстративно отвернулся, делая вид, что происходящее его не касается. Другие нервно переминались с ноги на ногу, но никто больше не решался вмешаться.

– Я понимаю ваше беспокойство, – тихо произнесла Геля, – но если я нарушу правила, пострадает не только моя работа, но и ваша пенсия в будущем.

– Да плевать мне на правила! – рявкнул мужчина. – Ты просто не хочешь работать! Задницу отрастила, поперёк себя толще, лярва!

Его голос становился всё громче, переходя на крик. Геля изо всех сил старалась быть профессионалом, но сейчас всё её самообладание трещало по швам.

– Я не могу этого сделать, – повторила она, с трудом сдерживая дрожь в голосе.

В этот момент мужчина схватил со стола папку-передвижку с образцами печатной продукции и замахнулся на несчастную сотрудницу:

– Ну всё, слониха, ты меня достала!

Очередь замерла. Женщина с маленьким ребёнком на руках тихо охнула, но никто не двинулся с места.

– Вы не имеете права угрожать сотруднику, – произнесла Геля решительно, как ей показалось. – Я вызову полицию.

Она инстинктивно закрыла глаза, попробовала отступить на шаг, но запнулась о ножку стула с колёсиками. Кресло покатилося вглубь служебного помещения. Скандалист швырнул в девушку увесистую папку. Она отпрыгнула в сторону, наскочила на банку с газировкой, которую держала на полу, чтобы содержимое слишком уж не нагревалось. По линолеуму растеклась пенная лужа. Суеулиное бегство заставило Гелю наступить в неё ногой, и мир стремительно перевернулся. Секунду назад работница почты стояла за прилавком, а уже в следующий миг падала навзничь.

Послышался сочный звук удара. Ангелина крепко приложилась затылком о крышку металлического короба, в котором хранились деньги, и свет померк.

Ясность мысли возвращалась крайне медленно и неохотно. Тяжесть в голове и во всём теле мешали сосредоточиться. Сознание словно окутало туманной пеленой, а в ушах стоял неприятный звон.

– Тихо-тихо, не торопитесь, – прозвучал спокойный голос рядом. – Мы уже едем в больницу.

Она попыталась сфокусировать взгляд на человеке в синей униформе. Фельдшер – мужчина лет пятидесяти с седыми висками и добрыми глазами – внимательно следил за её состоянием, проверяя реакцию зрачков и пульс.

– Где я? Что случилось? – голос казался слабым и неуверенным.

– Вы потеряли сознание после падения. Сейчас у вас лёгкая черепно-мозговая травма, но ничего критичного. Мы везём вас в больницу для обследования. Ваша начальница вызвала нас, она сейчас едет следом.

Геля силилась вспомнить, как всё произошло. Скандал, упрёки, оскорбления, жалкие попытки защититься и свести ругань на нет. Голова кружилась, а к горлу подступала тошнота. В носу до сих пор стоял запах пыли и чего-то металлического, ржавого.

– Как вы себя чувствуете? – спросил фельдшер, надевая на предплечье манжету прибора фиксации кровяного давления. Его пальцы ловко управлялись с оборудованием: тонометр, пульсоксиметр.

– Голова кружится... и тошнит немного, – призналась она, пытаясь сесть, но фельдшер мягко вернул её в полулежачее положение.

– Это нормально после такого. Сейчас главное – сохранять спокойствие. Мы сделаем всё необходимое, чтобы вам помочь.

Фельдшер аккуратно проверил её рефлексy, задавая простые вопросы, чтобы оценить состояние:

– Как вас зовут?

– Ангелина Болгова.

– Сколько вам лет?

– Тридцать два.

– Где вы живёте?

Геля отвечала с небольшой задержкой, но в целом держалась неплохо. В салоне пахло антисептиком и чем-то медицинским, успокаивающим.

– У вас небольшая шишка на затылке, – заметил фельдшер, аккуратно ощупывая место удара через бинт. – Но кости целы, это главное. В больнице сделают рентген, чтобы убедиться, что всё в порядке.

Он достал из шкафчика кислородную маску и предложил:

– Может, подышите кислородом? Это поможет с головокружением.

Геля кивнула, чувствуя, как прохладный воздух наполняет лёгкие. Машина плавно маневрировала в потоке, иногда подпрыгивая на выбоинах. Каждый толчок отдавался болью в затылке.

– Постарайтесь не волноваться, – сказал фельдшер. – В больнице вас осмотрят более тщательно и определят дальнейший план действий. У вас есть какие-нибудь хронические заболевания? Принимаете ли вы лекарства?

– Нет... только витамины.

Фельдшер сделал пометку в карте. Когда скорая остановилась у приёмного покоя, он помог ей выйти, поддерживая под локоть.

– Всё будет хорошо, – шепнул на прощание.

К утру головная боль немного усилилась. В затылке слегка потягивало, будто там запуталась невидимая нить. Боль не острая, а скорее напоминающая лёгкий дискомфорт – как если бы кто-то очень нежно нажимал пальцем на место ушиба.

В ушах иногда проскальзывал едва уловимый шорох, похожий на далёкий шум прибоя. Он не мешал, просто напоминал о случившемся.

Свет казался чуть более ярким, чем обычно. Звуки тоже воспринимались немного отчётливее.

Память работала как обычно, разве что иногда в голове мелькали смутные воспоминания о моменте удара, но они не тревожили, а скорее пробуждали любопытство. Мысли текли плавно, без помех, хотя в них проскальзывала лёгкая рассеянность.

Головокружение иногда накатывало волнами, однако было столь слабым, что его вполне можно не замечать. Тошнота не чувствовалась – отличный признак.

Ангелина лежала на больничной кровати, её взгляд бесцельно скользил по палате, изучая скудную обстановку.

Четыре койки, рядом с каждой – тумбочка для личных вещей. В центре стол для приёма пищи, заваленный пачками с чаем, кусковым сахаром, печеньем и прочей снедью. Бирюзовые стены, высокие потолки, озарённые двумя прямоугольниками светодиодных ламп, тщательно вымытый пол – словом, обстановка под стать любой городской больнице.

С соседками по палате Геля познакомилась накануне вечером. Напротив устроилась Света, подтянутая блондинка лет тридцати с туго забинтованным коленом, она пыталась лечь поудобнее, морщась от боли в ноге.

– Новенькая! – окликнула она Ангелину, заметив её изучающий взгляд. – Как тебя уго-раздило-то?

– Да так... – вздохнула Геля. – На работе шваркнулась и прямо о крышку железного сейфа. А ты как?

– А я на тренажёре решила показать класс, – хмыкнула Света. – Теперь вот отдыхать месяц с лишним. Разрыв мениска.

В углу палаты баба Клава, укутанная в тёплое одеяло, тихонько кашлянула. Её морщи-нистое лицо выражало недовольство.

– Девочки, – обратилась она к соседкам, – не шумите сильно. До обхода ещё час, дайте поспать спокойно.

Алевтина, женщина лет сорока с гипсом на руке, приподнялась на локте:

– Бабуль, никто и не шумит, это у тебя в ушах чего-то, – потом обратилась к соседкам. – Чайку кто будет? Могу сгонять.

– Не, я пока Семёна Игоревича не дождусь, аппетита нет, – с намёком высказалась Света и захихикала, будто вчерашняя школьница.

Алевтина возвела глаза к потолку.

– С этой понятно, а ты?

– А я с удовольствием, спасибо, – Геля осторожно села, стараясь не ворочать головой, и бросила пакетик чая в кружку. – Кто такой Семён Игоревич?

– Сёмка-то? – мечтательно воскликнула Света и прижала руки к груди, словно баюкая шар тепла, который разрастался под рёбрами при упоминании мужского имени.

Алевтина неловко поднялась с кровати, отталкиваясь здоровой рукой, взяла свою кружку, всунула её в пальцы загипсованной руки, затем подхватила чашку соседки и бодрой рысью вышла в коридор.

– Семён Игоревич – заведующий отделением травматологии. Он здесь рок-звезда и принц на белом коне в одном флаконе, – с восхищением в каждом слове выдала Света, с надеж-дой поглядывая на дверь, будто с минуты на минуту ожидала, что в неё войдёт этот загадочный тип. – Да что я тебе впечатление буду портить? Сама скоро увидишь. Он утро всегда с обхода начинает.

– А вы слышали, как он вчера с Петровой разговаривал? – подала голос бабушка, и её интонации, как ни странно, точь-в-точь совпадали с тоном Светы. – «Ваше тело – это книга, и каждая боль – это глава в ней». Прямо поэт, а не врач!

В этот момент в коридоре раздался громкий смех, и все замерли. Дверь резко открылась, и в палату ворвался он – доктор Самсонов.

Высокий, словно высеченный из мрамора красавец. Блондинистые волосы, искусно уложенные в дерзкий контраст: выбритые виски оттеняли художественный беспорядок на макушке, придавая облику нотку бунтарства.

Безупречный белый халат подчёркивал стройность фигуры. Джинсы обтягивали длинные ноги, а белоснежные кроссовки свидетельствовали о том, что даже в медицинском учреждении он оставался верен себе.

В ушах зияли тоннели, а в носу виднелось изящное колечко, добавляющее образу дерзости. Но даже эти атрибуты пирсинга не портили его аристократичной красоты – напротив, делали его ещё более притягательным.

– Доброе утро, девочки! – воскликнул он, нацепив на лицо улыбку Дон Жуана. – Кто готов поделиться со мной секретами своего самочувствия?

Света тут же подняла руку:

– Семён Игоревич, а правда, что вы можете угадать диагноз по одному взгляду?

– О, моя дорогая! – подмигнул Самсонов. – Иногда достаточно просто послушать, что говорит ваше тело.

Началась стандартная процедура осмотра. Ангелина почти не вслушивалась в их милое щебетание, но с интересом смотрела на молодого врача.

Каждое его движение было наполнено энергией. Он двигался так, будто весь мир принадлежал ему – уверенно, стремительно, с какой-то хищной грацией. А голос... О, его голос был настоящим оружием массового поражения. Тягучий, как мёд, обволакивающий, он обещал такое наслаждение, что даже у самых стойких подкашивались колени.

Наверняка женщины всех возрастов замирали от одного его вида. Молодые девушки краснели, дамы постарше томно вздыхали – все они оказывались во власти его магнетического обаяния.

Поток любезностей для Светы иссяк, врач подошёл к кровати Ангелины.

– А что скажете вы, юная леди? Как ваше тело разговаривает с вами сегодня?

Геля густо покраснела до самых корней волос, но ответила буднично:

– Оно говорит, что хочет скорее поправиться.

– Превосходно! – хлопнул в ладоши Семён Игоревич. – Позитивный настрой – это уже половина лечения. А теперь давайте послушаем вместе.

Ангелина вздрогнула, словно доктор предложил не осмотр провести, а... Хм, ладно. Она осторожно спустила ноги с кровати, попробовала подняться, покачнулась. От резкости движения голова пошла кругом. Семён тут же подставил своё плечо. Он носил халат с коротким рукавом, поэтому для сохранения равновесия Геля вцепилась в тугой бицепс, мимоходом отметила, что руки врача щедро украшены чернилами татуировок, и совершенно по-идиотски заулыбалась.

– Верх надо снять, через одежду мне ничего не услышать, – напомнил доктор.

Ангелина тяжело сглотнула, как можно сильнее втянула в себя живот, задержала дыхание и смущённо уставилась в стену.

О своих недостатках она, разумеется, знала. Лишний вес, дряблый животик, небольшой по её собственным меркам. Всякое отсутствие талии. И непомерно большая грудь пятого размера. Последнюю Геля считала своим главным изъяном, на фоне которого меркло миловидное лицо и крупные карие глаза в обрамлении пушистых чёрных ресниц.

Семён прижал к её груди стетоскоп, оказавшийся неожиданно тёплым. Вслушался.

– Подышим, – велел он.

Геля мысленно чертыхнулась, но сделала вдох и выдох. Надоедливое брюхо тут же повисло над поясом пижамных штанов кожистым мешочком.

Доктор переместил стетоскоп на другую половину груди, затем жестом велел пациентке повернуться и с тем же безразличием послушал спину.

– Давление утром мерили? Пульс в норме? – деловито спросил он, когда Геля опустила край футболки и развернулась.

– Да, 120 на 80, пульс 79.

– Жалобы есть?

Казалось, с ней он говорит куда строже, чем, например, со Светой.

– Головокружение. Лёгкое. И слабость. Хочется обратно прилечь.

Семён тут же убрал планшет с историями болезни под мышку и деликатно помог ей опуститься на кровать.

– Позывов к рвоте нет?

– Нет.

– Анализы сдали? Снимок я сегодня видел, на рентгене всё чисто. Небольшая гематома, заживёт за пару недель.

– Сдала.

– Головная боль?

– Терпимо.

– Может, всё же назначить обезболивающее?

– Нет, спасибо. Вполне сносно и так.

В палату тенью шмыгнула Алевтина. Аккуратно поставила на тумбочку две кружки горячего чая и выжидательно присела на край кровати.

– Больничный открываем?

– Да, я работаю.

И так продолжалось ещё минут пять. Доктор не улыбался, не сыпал шутками, просто задавал вопросы и разглядывал, притом очень пристально.

– Клавдия Петровна, – обратился он к бабушке, – а вы знаете, что ваш организм – настоящий герой? Он столько лет служит вам верой и правдой!

Старушка заулыбалась, впервые за долгое время чувствуя себя не просто больной, а важной персоной.

С теми же шуточками, что и в случае со Светой, он приступил к осмотру. Ангелина уткнулась в телефон, но нет-нет да поглядывала в их сторону.

Ей вдруг подумалось, если бы он приказал всем в палате упасть на четвереньки и ползти, они бы сделали это без колебаний, ведомые какой-то первобытной силой, исходящей от этого человека. И не важно было бы зачем – просто потому, что он так захотел. Поддалась бы даже немощная старушка.

Он был воплощением той самой опасной красоты, от которой невозможно отвести взгляд, той самой притягательности, что заставляет сердце биться чаще, а разум умолкать перед зовом плоти.

Обход завершился у постели Алевтины. Получив чёткий ответ на свой последний вопрос, Семён Игоревич склонился к хворой, поцеловал здоровую ручку и пружинистой походкой направился к двери. На пороге обернулся, бросил цепкий взгляд на Ангелину и строго велел:

– На столе наведите порядок. Это всё-таки больница, а не кафетерий.

Геля опешила, потому не нашла с ответом.

Глава 2

В больничном фойе было прохладно и тихо. Ангелина сидела у окна, рассеянно глядя на пестрящий летними красками двор. На улицу не хотелось, жара и яркое солнце удручающе действовали на организм, после пятиминутной прогулки клонило в сон, а она итак проводила в кровати добрых три четверти суток.

Дверь распахнулась, и в помещение влетела запыхавшаяся Катя, близкий друг и соратник.

– Ангелок! – воскликнула она, бросая пакет с передачей на стул. – Ну как ты тут?

– Привет, – улыбнулась Геля. – Замучили своими ограничениями. Даже телефон запретили, оттого и скука смертная.

– Да ладно! – округлила глаза Катя. – И чем же ты занимаешься целыми днями?

– Разговариваю с соседками, иногда мама забегает. А так... читаю бумажные книги, делаю наброски в скетчбук. Скоро до кроссвордов доберусь, и меня тут же переведут в отделение психиатрии.

– Скетчбук? – оживилась Катя. – Круто! А я тебе кое-что принесла.

Она достала из пакета набор акварельных красок и планшет для рисования.

– Будешь создавать больничные пейзажи!

– Кроссворды всё же соблазнительнее, – невесело усмехнулась Ангелина.

– А ещё, – Катя вдогонку достала из сумки несколько журналов, – я принесла тебе чтиво на все случаи жизни.

– Точно, тут и о моде, и гадания, и десять способов получить оргазм, – скептически настроенной Геле всякое предложение было не в радость.

В этот момент в фойе вошёл Семён Игоревич. Ангелина отреагировала моментально: села прямее, втянула живот и задышала быстро и поверхностно.

Катя проследила за её взглядом, удивлённо вскинула брови и шёпотом спросила:

– Это ещё кто?

– Заведующий отделением травматологии, – тоже понизила голос Геля и отвела глаза, хотя они почему-то усиленно цеплялись за широкую спину в белой футболке и уж совсем непонятно зачем скользили к льняным бежевым брюкам, обтягивающим...

– Заведующий отделением? – переспросила Катя. – Мало того, что ему на вид не больше 25-ти, так он ещё на доктора похож, как я на огородное чучело.

Ангелина с пониманием посмотрела на подругу. Та была стройной и подтянутой, и хотя лицо её не отличалось яркой красотой, но имело свой особый шарм – тонкие черты, прямой нос, упрямый подбородок.

Геля же была полной противоположностью – пышная, с мягкими, плавными линиями тела. Она излучала тепло и уют, но сама не замечала своей природной красоты. Её круглое лицо с ямочками на щеках и большие выразительные глаза могли бы притягивать взгляды, если бы она реже заикливалась на недостатках. Полнота казалась ей уродством, хотя на самом деле придавала облику особую женственность и очарование.

В одежде они тоже были разными. Ангелина выбирала просторные вещи, пытаясь скрыть свои формы, прячась за слоями ткани. Её подруга предпочитала облегающие наряды, демонстрирующие подтянутую фигуру, словно хвастаясь тем, что, по мнению Ангелины, давало право на счастливую жизнь.

Когда доктор Самсонов скрылся из виду, Геля расслабилась, и оставшееся время подруги обсуждали последние сплетни, шутили и планировали, как будут отмечать выписку из больницы. Катя рассказала о новом проекте на работе, а Ангелина поделилась своими мыслями

о том, как хочет изменить жизнь после выздоровления. Идея сменить работу казалась самой рациональной.

– Знаешь, – сказала Ангелина на прощание, – с тобой даже больничный день обретает новые краски.

– А как же иначе? – подмигнула Катя. – Главное – не унывать и находить радость в мелочах.

Когда Катя ушла, Геля вернулась в палату, открыла скетчбук. Карандаш плавно скользил по бумаге, а в голове роились мысли о прекрасном и недоступном для неё докторе.

Вчера она стала свидетелем его визита в мужскую палату недалеко от медицинского поста и никак не могла выбросить из головы увиденное.

– Привет калекам! – воскликнул Семён Игоревич с порога, и палата взорвалась хохотом. – Кто тут у нас нуждается в продлении больничного?

Хворые оживились, начали переглядываться и улыбаться. Каждый знал: когда приходит Семён Игоревич, скучно не бывает.

– Иван Петрович, как ваша нога? – спросил он, склонившись над первым пациентом. – Надеюсь, вы не пытаетесь бегать на костылях по коридорам?

– Да что вы, Семён Игоревич, – смущённо ответил пожилой мужчина. – Я же не самоубийца.

– А вот и зря! – подмигнул врач. – Жизнь – она как спорт: если не рискуешь, то и не живёшь.

– Василий Палыч, – обратился доктор к лежащему больному, почти целиком упрятанному в гипс, – а вы, смотрю, уже готовы к пляжному сезону? Весь в белом, как жених!

– Да вот, доктор, – пробурчал Василий Палыч, – только невеста почему-то в травмпункт не торопится.

– Не переживайте, – подмигнул Семён Игоревич, – с такой фигурой в гипсе вы точно привлечёте внимание! Особенно пожилых медсестёр. Боли не беспокоят?

– Терпимо, когда совсем невмоготу, зову сестричку с уколом.

Дальше Самсонов остановился у койки с переломом руки:

– А ты, как погляжу, решил стать супергероем? Одна рука в гипсе – как у Рокки, вторая свободна для селфи!

– Да уж, – вздохнул молодой парень, – только автографы пока никто не просит.

– Ничего, – утешил врач, – когда снимут гипс, девчонок сможешь штабелями укладывать. Закончив обход, он остановился у двери:

– И помните, мужики: даже в гипсе можно жить полной жизнью! Главное – не пытайтесь танцевать на костылях. Хотя... если очень хочется, я могу снять на телефон и выложить в интернет.

Палата взорвалась хохотом, а Семён Игоревич, насвистывая модный хит, вышел, оставив после себя атмосферу лёгкости и хорошего настроения.

Проходя мимо поста он бросил короткий взгляд на столик, за которым сидела Ангелина с манжетой тонометра на руке, лихо подмигнул впечатлённой девушке и направился дальше.

К моменту выписки Геля окончательно измаялась от скуки. Раньше дни, проведённые в блаженном безделье, почитались за сказку. Лежишь с книгой в руке, никаких забот и хлопот, знай себе читай да вовремя ходи в столовую – тепличные условия, казалось бы, однако уже на третий день они вызвали отторжение, а спустя неделю захотелось отобрать у санитарки швабру и лично прибрать палату, чтобы занять себя хоть чем-то.

Стоя у двери кабинета заведующего отделением в ожидании выписки, Геля немного нервничала. Самочувствие значительно улучшилось, однако некое напоминание о травме всё же осталось. Стоило кому-то подойти сзади, как место удара на затылке начинало усиленно пульсировать, словно сообщая о приближении некой опасности. Странное ощущение.

– «Встреч редких сладок век, но миг разлуки слаще» [цитата из стихотворения без названия Максима Амелина – здесь и далее примечание автора], – пропел Семён Игоревич, когда Геля вошла.

Она недоуменно посмотрела на врача и опустилась в удобное кресло напротив стола.

Кабинет заведующего отделением травматологии являл собой удивительное пространство, где футуристический дизайн переплетался с антикварной роскошью: монументальный стол из редкого амарантового дерева с золотой филигранью служил центром композиции, а вокруг него расположились эргономичные кресла с авторской вышивкой. Стены цвета морской пены украшали дипломы и трёхмерные модели костей, созданные на 3D-принтере, а в углу мерцал японский сад камней с подсветкой. Книжные полки из карельской берёзы хранили редкие медицинские трактаты и старинные анатомические атласы, между которыми прятались издания по квантовой физике. Особую атмосферу создавал водопад из зелёного оникса, а в воздухе витал аромат сандала, распространяемый дизайнерским диффузором в форме анатомической модели мозга – каждая деталь говорила о неординарном мышлении и изысканном вкусе молодого доктора наук.

Семён Игоревич оторвал взгляд от монитора и добавил:

– Я это к тому, что вы наконец сможете вернуться к привычному ритму жизни.

– А-а, ну да, – Геля потупилась и нервно сцепила пальцы в замок.

Семён вынул из принтера несколько листов бумаги, бегло просмотрел и вдруг сказал:

– Здесь указано, что сведения о состоянии своего здоровья вы доверяете матери. Почему не мужу или парню?

– Так я, э-э, не замужем. Парня тоже нет.

Быстрый взгляд в её сторону. Геля вдруг поняла, что так и не узнала, какого цвета у него глаза. В ярком свете светодиодных ламп они казались синими, сейчас, когда он сидел спиной к окну, напоминали летнее небо.

– А почему в истории нет вашего номера телефона?

– Есть, я видела, как медсестра записывала...

– Нет же, – Семён протянул ей тощую склейку бумаг.

Она просмотрела графы с личной информацией, где чётко значилось: «вес – 95 кг, рост – 172 см» и пустовала колонка с номером телефона.

– Действительно, – пробормотала она, тем не менее припоминая, как медсестра в день поступления спрашивала её номер и даже вносила сведения в карту.

Геля вернула документы и назвала цифры. Семён прилежно записал их, а потом поднял голову и открыто улыбнулся. Аж в уголках глаз зацепало от яркости и белизны зубов.

– Итак, выписной эпикриз, – продолжая сиять жемчужным оскалом, проговорил Самсонов. – Десять дней вы... А можно на «ты»?

Геля недоуменно кивнула.

– В общем, когда ты появилась у нас с этим «лёгким» сотрясением, я уж было подумал, что придётся тебя тут насовсем оставить. Шутка! Хотя некоторые пациенты так влюбляются в больничную романтику... Особенно когда рядом такой симпатичный доктор.

– Я точно не из таких! – спешно отозвалась она, смущённо хихикая. *Что происходит?*

– Эх, а жаль! – Семён лукаво подмигнул, будто счёл её реплику ответом на своё упоминание симпатичного доктора. – У нас тут такая атмосфера – уколы, капельницы, обходы... Но серьёзно, мы провели курс лечения, который, надеюсь, не оставил неприятных воспоминаний, – он сверился с записями в медкарте и перечислил, – Полный покой, обезболивающие, проти-

вовоспалительные, препараты для улучшения мозгового кровообращения. Через две недели рекомендую записаться на контрольный осмотр к неврологу.

– Постараюсь не забыть.

– Я могу напомнить, если позвонишь, – с этими словами врач подал ей через стол визитную карточку.

Ангелина взяла иссиня-чёрный кусок пластика с лёгким непониманием.

– Позвонить? Зачем?

– Чтобы сказать, какой кофе ты любишь, например, – Семён улыбался всё шире и лениво скользил взглядом по её лицу. – Лично мне больше всего нравится ристретто, по настроению могу добавить в него щепотку кардамона или имбиря, потому что даже в кофе нужно вносить свою нотку хаоса.

Ангелина так и продолжала сидеть с вытянутой рукой, поглаживая пальцами чёрный пластик. Весь диалог напоминал ей какой-то сон, притом извращенный. Она так и ждала подвоха. Или закадрового смеха, какой включается в скетч-комах.

– Чаще всего я заказываю ванильный латте, – смущённо пробормотала она.

– И это в корне неверно, – вернул Семён, расслабленно откидываясь на спинку кресла. – Тебе больше подойдёт моккачино с белым шоколадом и лавандовым сиропом.

– Да-а?

Удивлением, написанным у неё на лице, впору стены оклеивать – таким оно было красочным. Лавандовый сироп? Она вообще впервые слышала о его существовании. В её восприятии лаванду добавляли в кондиционеры для белья или освежители воздуха, но никак не в кофе.

– Нежный, обволакивающий, с лёгкой сладостью, – продолжал гнуть свою линию Самсонов, и чудесным образом его голос соответствовал словам. – Как ты сама. Этот напиток сочетает в себе мягкость и характер, как и твоя натура: снаружи – уютная сливочность, внутри – пряная глубина. Ты обязательно должна попробовать этот кофе.

Геля выпучила глаза, сглотнула. Украдкой отёрла потные ладони о ткань пижамных штанов.

– Я приглашаю, – голосом змея-искусителя завершил свою маленькую речь доктор.

– Куда?

– На кофе.

Первой мыслью было: он с кем-то поспорил, что затащит дурнушку в постель после десяти минут знакомства. Второй: у неё начались осложнения, и мозг выдаёт фантазии за реальность. Третьей: сбежать, пока не поздно. Такой откровенный интерес, исходящий от мужчины лет на семь моложе, совершенно не вписывался в её картину мира. Парни, подобные ему, встречались с глянцевыми красотками, блистающими всеми оттенками ухоженности, но никак не с полненькими простушками из отделения почты России.

Молчание затягивалось. Геля поёрзала на стуле, избегая ответного взгляда.

Семён встал, обошёл стол. Она тут же подскочила, будто в спину ударил звук Иерихонской трубы. Он взял всё те же бумаги, именуемые выписным эпикризом, положил перед ней, дал ручку и пальцем указал место для росписи.

– Больничный я продлил ещё на неделю. Лучше соблюдать покой. В случае недомогания – сразу звони в скорую. А как наберёшься смелости – мне. Договорились?

Ангелина быстро расписалась, кивнула, не в силах вымолвить и звука, и сайгаком бросилась к двери.

Доктор проводил пациентку взглядом, поигрывая бровями. Геля, чувствуя, как жар покрывает щёки, вышла из кабинета, мысленно прокручивая их игривый диалог и думая о молодом, харизматичном враче, который умел превратить даже больничный протокол в опасное приключение.

Выписку Ангелины отметили с размахом. Катя, известная своим организаторским талантом, превзошла саму себя. Она пригласила столько гостей, что Геля едва узнала собственную квартиру.

Праздничный стол ломился от закусок, доставленных из соседнего кафе. Атмосфера накалялась с каждой минутой: гости, прибывая один за другим, приносили с собой не только бутылки с горячительными напитками, но и море позитива.

– Гелечка, ты просто сияешь! – воскликнула Катя, вручая подруге букет. – Мы так рады, что ты наконец-то дома!

– Спасибо, Катюш, – смущённо улыбнулась Ангелина. – Не стоило так тратить.

– Глупости! – махнула рукой Катя. – Ты заслуживаешь праздника!

Музыка гремела на полную мощность, заставляя соседей недовольно поглядывать на часы. Танцпол стихийно образовался прямо в гостиной, где ещё утром Геля расставляла свои любимые книги.

– Геля, пойдём танцевать! – потянула её за руку Марина, коллега по службе.

– Да ну, что ты! – отмахнулась Ангелина. – Я тут всех стесняюсь...

– Стесняешься? Да ты что! – возмутилась Марина. – Посмотри на эти крестьянские рожи – кого тут стесняться?!

В этой вакханалии звуков и движений Ангелина, поначалу смущённая таким вниманием, постепенно оттаивала. Она чувствовала себя настоящей звездой вечера, о чём раньше могла только мечтать.

– За нашу любимую Гелю! – поднял бокал Андрей, муж Кати. – За то, что она такая сильная и не сдаётся!

– И сохранила мозги! – брякнул Серёга, с которым Геля и Катя дружили ещё со школьных времён.

– Ура! – подхватили гости.

Впервые за долгое время Геля позволила себе поверить, что достойна внимания и радости, что счастье не зависит от размера одежды. И когда кто-то включил её любимую песню, она всё-таки вышла в центр импровизированного танцпола, чувствуя, как внутри разливается тепло и радость.

– Видишь, я же говорила! – подмигнула Катя, присоединяясь к танцующим. – Ты прекрасна, Геля! И заслуживаешь всего самого лучшего!

Об этом самом лучшем они заговорили около полуночи, когда большинство гостей уже разбрелись по домам. Андрей, основательно набравшись, мирно посапывал на диване, а Геля, Катя и Марина сидели за столом, дожёвывали заветренные бутерброды с огурчиками и шпротами и заливисто хохотали.

– Знаете, девчонки, – начала Катя, откидываясь на стуле, – может, мужики и бывают тюленями, но ведь и мы не без греха!

– Точно! – поддержала Марина, поднимая бутерброд на манер стакана на оглашении тоста. – Взять хотя бы моего Стася. Да, иногда он валяется на диване, но зато как готовит! А какие комплименты говорит – закачаешься!

– А мой, – улыбнулась Катя, – может быть и разбрасывает носки, но зато всегда поддерживает, когда мне грустно. И знаете что? Мы уже три года вместе, а в постели каждый раз, как первый.

– В смысле сунул – вынул и на боковую, как сопьяк? – заржала крепко подвыпившая Марина.

– Тьху ты, дура! В смысле, мне всё ещё интересно с ним, всё ново и свежо. Он только начинает приставать, а у меня уже дым коромыслом и колени ватные – это ведь важно, правда?

Все согласились, выпили за драгоценное ощущение новизны в отношениях.

– Девчат, – тихо произнесла Геля, – а мне ведь есть, что вам рассказать.

Подруги заинтриговано придвинулись ближе. Геля секунду поколебалась, затем выложила на стол визитную карточку травматолога и доктора медицинских наук Самсонова Семёна Игоревича и вкратце пересказала их диалог в день выписки.

– Как он сказал? Снаружи – чего там слиплось? – шокировано переспросила Марина.

– Ох ты пьянь, – шутливо рассердилась Катя, – он сказал, что снаружи наша Гелька – уютная сливочность, а внутри у неё – пряная глубина.

В интерпретации Кати эта фраза прозвучала очень двусмысленно, и все трое покатались со смеху.

Первой пришла в себя идейный организатор вечеринки:

– Так, я не поняла, а чего ты с нами расселась? – она с укором зыркнула на подругу. – Телефон в зубы и пошла звонить, соглашаться на кофе и потанцуем.

– Смеёшься? – Геля ответила ей тем же прищуром глаз. – Он ведь не всерьёз, так, позабавился.

– Вот олениха упрямая. Слышь, Марин, что городит? Я тебе сейчас вкратце опишу этот экземпляр: рост под два метра, блондин, татуированный знатно, в ушах тоннели, в носу серьга, накачан так, что у меня самой всё всколыхнулось бы, будь я мужиком. А эта пришибленная везде подвох ищет, прикинь?

– У мужиков не колыхается на мужиков, – философски изрекла Марина. – Но ты дурища, конечно, Гелька. Даже если это будут тупые потрапушки, негоже отказываться.

– Вы о чём вообще? – Геля захлопала глазами. – Он пригласил на кофе, и то мне показалось, что это скорее на провокацию походило. Хотелось ему посмотреть, как я мямлю и краснею.

– А что, ты это как-то по-особенному делаешь? – глуповато хихикнула Катя.

– Долго мусолим тему, – Марина решительно поднялась из-за стола, слабо покачнувшись и нетвёрдой походкой впервые за полгода ступившего на сушу моряка направилась в туалет, затем как гаркнула из коридора, – Позвони ему и дело с концом.

– А ведь верно! – всплеснула руками Катя, будто столь простая мысль её поразила своей логичностью. – Давай сюда телефон.

Геля неодобрительно покачала головой.

– На время глянь, какие звонки? Второй час ночи.

– Ха! Он же врач: либо на дежурстве и ответит, либо дома спит с выключенным звуком.

– Заведующих отделением заставляют дежурить? – с сомнением уточнила Геля.

– Вот ты сейчас и спросишь, а заодно на кофе согласишься.

Катя протянула руку, требуя мобильный. Подруга нахохлилась.

– Идиотская затея.

– Потом спасибо скажешь, – решительно заявила Катя. – Ну?!

Геля с плохим предчувствием взяла в руки визитку, вынула из кармана джинс телефон и набрала цифры. Одумавшись, заблокировала экран и отложила аппарат.

– Утром позвоню.

– Ага, – якобы согласилась Катя, вскочила со стула и в мгновение ока завладела смартфоном. Ввела графический ключ, который знала не хуже собственного, и повторила вызов.

На шестом гудке из динамика донеслось:

– Да, слушаю.

Голос расслабленный, сонный. Геля спрятала лицо в ладонях.

– Семён, доброй ночи! Простите за столь поздний звонок...

– Кто это? – вяло поинтересовался Самсонов.

– Подруга Ангелины Болговой, что на днях выписалась из вашего...

– С ней что-то случилось? – более чётко спросил Семён.

– Да, ей захотелось...

Геля не выдержала и отобрала телефон, зачастила:

– Семён, вы извините, пожалуйста, за беспокойство. И что разбудили посреди ночи.

– Не извиню, – со смешком проговорил врач. – По телефону уж точно. Позавтракаешь утром со мной – тогда подумаю.

Геля опешила, вытаращила глаза на Катю, словно в поисках подсказки к дальнейшей реплике. Та живо закивала головой, мол, соглашайся.

Тут в гостиную ввалилась Марина с громким возгласом:

– Ох, бабоньки, и размотало меня!

Семён наверняка услышал пьяный окрик.

– Ангела, так что насчёт извинений? – спросил он, явно начиная догадываться о мотивах столь позднего звонка.

– Завтра в десять на фуд-корте Сильвер-молла вас устроит? – торопливо выдала, боясь, как бы подруги не отчебучили ещё чего.

– Мы вроде договорились перейти на «ты», – напомнил Семён. – И да, вполне устроит. Закажу тебе бокал пива.

– Зачем?

– Лечить похмелье, – в голос засмеялся собеседник. – Спокойной ночи.

– И вам, – пожелала абсолютно деморализованная Геля и отключилась.

Не говоря ни слова, Катя и Марина подскочили к ней, и вся троица обнялась, смеясь и понимая, что, жизнь их подруги в скором времени совершит очень крутой вираж. И ни одной не пришло в голову, что красивые и обаятельные незнакомцы обычно оказываются подпорченными изнутри.

Глава 3

Кира проснулась среди ночи от необъяснимого торжества. В груди пекло, мысли одолевало некое странное ликование, словно сбылась её давняя мечта. Она попробовала перевернуться на другой бок и заснуть, но пьянящее чувство победы будоражило кровь.

С ворчанием она выпростала руку из-под одеяла и слепо потянулась к тумбочке за мобильником. Номер братца стоял на быстром наборе, поэтому она почти сразу поднесла телефон к уху и сонно буркнула:

– Ну рассказывай, что там у тебя стряслось посреди дежурства.

– И тебе привет, сестрёнка, – бодро возвестил Саймон. – Уже запеленговала?

– Твой парад победы стал причиной разрушительного урагана на южном полюсе, вымерли все пингины, – безэмоционально подтвердила Кира. – Колись давай. Знатно отужинал стайкой студентов или что?

– Назначил свидание девушке, – с бравадой признался близнец.

– Ёксель, это теперь событие вселенского масштаба что ли? Если её зовут не Аня Тейлор-Джой или Дженна Ортега [Аня Тейлор-Джой – актриса, известна по ролям в фильмах «Ведьма», «Сплит», «Ход королевы» и «Фуриоса: Хроники Безумного Макса»; Дженна Ортега – актриса, известна по сериалу «Уэнсдей»], то ты понапрасну тратишь эндорфины.

– Я без понятия, о ком ты. Мою зовут Ангелина Болгова.

– Говорю же, ты становишься жалким, – недовольно фыркнула Кира. – Тебя впечатлила человеческая девчонка. И ладно бы актриса или модель...

– А у тебя под боком сейчас кто? Не иначе как Брэд Питт? – Саймон хохотнул, и сестра не смогла сдержать ответной улыбки.

– Ты живёшь архаизмами, Сём. Брэд Питт считался секс-символом лет так 25 назад. Сейчас все с ума сходят по Генри Кавиллу, ну или на худой конец по Ивану Янковскому [Генри Кавилл – актёр, известен по фильмам «Человек из стали», «Бэтмен против Супермена: На заре справедливости» и «Лига справедливости», а также по роли Геральта из Ривии в сериале «Ведьмак»; Иван Янковский – актёр, известен по ролям в сериалах «Слово пацана. Кровь на асфальте» (2023), «Фишер» (2023) и «Аутсорс» (2025), а также по фильмам «Текст» (2019) и «Чемпион мира» (2021)].

– Опять пустые звуки из твоего рта, Кирка, – продолжил радоваться Семён. – Встретимся завтра?

– Ты меня третьей лишней на свидание приглашаешь?

– Нет, боюсь она не поймёт. Ты слишком отличаешься.

– Что я слышу, младший? Ты меня стыдишься? – Кира тоже развеселилась, да и как удержаться, коли твой близнец по уши погряз в эйфории.

– Просто боюсь спугнуть. Давай забьёмся часиков на восемь вечера, посидим где-нибудь в баре, ты снимешь мне девчонку, – льстиво предложил братец.

– Ну ты и ленивая жопа, – наигранно вознегодовала Кира. – Уже в одиночку не можешь раздобыть себе пропитание.

– Могу, но твои вкуснее.

– Ещё и подхалим – это в тебе от мамы.

– А ты будь паинькой в честь папы и покорми брата.

Тип, что развалился по соседству, громко всхрипнул и перевернулся на бок. Кира повернула голову в его сторону, оглядела мощную спину с оливковой кожей и потеряла всякий интерес к недавнему объекту страсти.

– Ладно, договорились. Девчонка хоть красивая?

В динамике послышалась какая-то возня, шорохи и скрипы, затем снова объявился братец:

– Отправил тебе её фотку, недавно нашёл в соцсетях.

Кира с интересом открыла их с близнецом переписку и уставилась на девицу.

Если бы Саймон потребовал комментарий, она бы написала всего несколько слов: «Ты в своём репертуаре». И попала бы в точку.

Фотография запечатлела женщину с естественной красотой, которую она старательно прятала за нелепым нарядом. Мягкие черты, выразительные глаза какого-то тёплого оттенка карего и очаровательные ямочки на щеках. За пышными формами легко проглядывало природное обаяние. Однако она выбрала для себя образ, который полностью противоречил её натуральной привлекательности: ярко-розовое платье-комбинация с люрексом топорщилось во все стороны, создавая неестественные складки, а бесформенный кардиган оверсайз делал её силуэт тяжеловесным.

Каштановые волосы собраны в неаккуратный пучок, несколько прядей небрежно падали на лицо, а поза – ссутулившиеся плечи, опущенная голова, руки, обхватившие тело – выдавала желание спрятаться. Кислотные кроссовки и массивные дешёвые украшения только усиливали впечатление того, что она намеренно маскировала себя. При этом было видно, что у неё ухоженная кожа и аккуратный маникюр – признаки того, что она заботится о себе, но почему-то боится показать свою истинную сущность. Фотография словно рассказывала историю о женщине, которая знает о своей привлекательности, но боится её признать.

Сенька всегда сходил с ума по подобным дамам, нравились ему розовощёкие и пышногрудые. Почему-то.

– Всё, умолкаю, – вдосталь налюбовавшись очередной избранницей близнеца, Кира вернулась к беседе. – Потолок головой не пробей, когда будешь скакать от радости.

– Вот ты заноза. Ладно, спи, я тоже попробую. Ночки, Крылатая.

– Сладких, Клыкастый, – она чмокнула воздух, посылая братцу поцелуй и сунула мобильник под подушку.

Перед тем, как вновь заснуть, попыталась вспомнить, когда в последний раз Саймон влюблялся, и поняла, что в этом столетии подобного ещё не случилось. Выходит, кончилась её передышка. Впереди опять ждут эмоциональные качели, чувство вины и стремление признать. А ведь двухтысячные так хорошо начинались!

Высокие стеклянные купола заливали пространство мягким светом, а каждый шаг сопровождался новыми запахами: здесь переплетались ароматы свежесваренного кофе, пряностей восточной кухни и свежей выпечки. Словно островки разных миров, расположились на фуд-корте заведения – от изысканных японских ресторанчиков до уютных европейских кафе.

Среди небольшого сборища студентов, атаковавшего прилавок «Бургер Кинга», ярким пятном выделялся высокий молодой человек. Его светлые волосы и пронзительно-голубые глаза создавали контраст с татуировками на руках. Стильные тоннели в ушах добавляли образу нотку шарма. Он с деланным спокойствием сидел за столиком по центру зала и не сводил глаз с эскалатора.

И вот она появилась – очаровательная шатенка с удивительным, словно кукольным лицом. Её природная грация притягивала взгляды окружающих. Семён двинулся навстречу, Ангелина, заметив его издали, ступевалась и сбавила шаг. Они встретились у кофейного островка. Заговорили почти одновременно:

– Привет! Как твоё самочувствие?

– Здравствуй... те! Извини... те за вчерашний звонок. Мы немного...

Она осеклась, увидев протянутую для рукопожатия ладонь. Ответила на его жест, но вместо того чтобы пожать руку, Семён подтянул её к губам и нежно поцеловал.

Геля смутилась окончательно. Щёки покраснелись.

– Мы вроде договорились не «выкать», – мягко напомнил Семён.

– А-а, да, я... э-э, всё время забываю.

Необходимость дышать она тоже упускала из виду. Волнение исходило от неё густыми волнами на манер прибоа.

Ради завтрака она тщательно приделась: лёгкий летний ансамбль из кремового цвета рубашки и брюк делал её похожей на облако; босоножки на небольшом каблучке открывали вид на аккуратные ступни и изящные пальчики с розовым лаком на ноготках. Волосы она подобрала на макушке несколькими заколками, открыв лицо, а дальше они струились по плечам и ниспадали на спину. Неброский макияж дополнял картину: чуть тронутые тушью ресницы казались ещё ярче, а губы, подведённые нюдовой помадой – сочнее. И пахло от неё потрясающе. Не духами или косметикой, а чем-то домашним, уютным, вроде смеси корицы с ванилью.

Семён, так и не выпустив её руки, обратился к баристе с заказом:

– Мне ристретто с двумя ложками сахара и имбирём, а моей спутнице моккачино с белым шоколадом и лавандовым сиропом.

– Десерты не желаете? У нас очень вкусный чизкейк с черничным кремом, или могу порекомендовать эклеры с творожным муссом – пальчики оближешь!

Геля отрицательно помотала головой. *Ещё чего не хватало, предаваться обжорству на глазах у парня.*

– Давайте и то, и то, – с улыбкой согласился Семён, потом повернулся к бывшей пациентке. – Так что с самочувствием?

– Всё хорошо, – пожалала она плечами. – Я вчера не слишком налегала на алкоголь. А как у вас? – Семён посмотрел так строго, что поджилки затряслись. – В смысле, тебе удалось выспаться?

– Да, я даже встал раньше будильника.

Они забрали кофе и устроились за столиком неподалёку. Геля сняла с плеча сумочку на длинном ремешке, вынула кошелек и попыталась всучить кавалеру свою половину за кофе и пирожные.

– Не смей меня, – Семён оттолкнул деньги, – я вполне могу себе позволить угостить красивую девушку кофе.

– Может, всё-таки поровну? Это ведь дружеские посиделки, к чему вам... тебе...

Она замолкла, под его взглядом живо убрала купюры обратно, а после спряталась за упавшим на лицо каскадом волнистых локонов. Ещё гуще раздумянулась.

– С чего ты решила, что мы собрались приятельствовать? – невозмутимо спросил доктор.

– А разве не очевидно? – она посмотрела в глаза, наверное, впервые с момента знакомства.

– Не очень, если честно, – Семён сделал глоток кофе и поморщился: вкус был далёк от идеала, впрочем, чего и ждать от напитка из автомата посреди торгового центра.

Ангелина вздохнула, попробовала свой кофе и после недолгой паузы выдала:

– У нас разница в возрасте, я минимум лет на семь старше.

– Я старше, чем выгляжу, – лихо парировал Семён. – Во всём виноват здоровый образ жизни и витаминки.

Она улыбнулась, но продолжила сопротивляться:

– Я вряд ли в твоём вкусе.

– А ты знаешь мои вкусы?

– Нет, но могу предположить, что ты общаешься с... более подходящими девушками.

– Это какими, например? – он подался вперёд и даже изобразил вежливое внимание.

Геля огляделась по сторонам, словно подыскивая подходящую кандидатуру, потом заприметила у прилавка китайской закусочной «Дунфан Во» элегантную даму лет тридцати в приталенном белом костюме, от которой так и разило холемостью.

– Я о таких.

Самсонов проследил за её взглядом и широко улыбнулся.

– Ты мыслишь стереотипами, – с осуждением проговорил он. – А ведь, как известно, на вкус и цвет все фломастеры разные. Вот ты – в моём вкусе, она – нет. Будут ещё аргументы?

Геля открыла было рот, но ничего не сказала и спешно приложила губами к стакану с кофе.

– Тогда начнём беседу с самого начала. Как твоё самочувствие?

– Я же вроде ответила, что всё нормально.

– Я не о похмелье. Как себя ощущает твой затылок? Позволишь? – он внезапно навалился на стол и потянул руки к её голове.

Она смущённо придвинулась, прикусила изнутри нижнюю губу и скосила взгляд в сторону, пока Семён ощущивал почти зажившую шишку.

– Так не больно?

– Нет, – выдохнула едва слышно.

– Уплотнение ещё есть, но в целом регенерация идёт неплохо, – по-деловому отметил врач, а после переместил руку в ямочку на затылке и слегка погладил. – Мне нравится твой румянец. Давненько никто рядом со мной так очаровательно не краснел.

Геля хихикнула, мельком обвела глазами его лицо и тут же отстранилась.

– Уже начало двенадцатого, – с неким беспокойством заявила она, поглядывая на телефон.

– Ты куда-то спешишь?

– Я? Нет, но разве тебе не нужно в больницу?

– До двух я свободен. Должен был читать лекцию лоботрясам из медухи [имеется в виду медицинское училище], но с утра позвонил и перенёс им пары на субботу.

– Как бессердечно с твоей стороны, – посочувствовала Геля студентам.

– Это всё твоя вина, могла позвонить раньше.

– Я бы и вчера не позвонила, да подружки настояли.

– О, тогда передай им от меня сердечную благодарность.

– Непременно.

– Ешь, – Семён пододвинул к ней тарелку с чизкейком.

– Спасибо, я сладкое... как-то не очень, – Геля отодвинула соблазн подальше.

– Ангела, не заставляй кормить тебя насильно.

– Почему ты так меня называешь?

– Не нравится?

Она осторожно поддела ложечкой крошечный кусочек лакомства и отправила в рот. Пожала плечами.

– Нравится, просто все зовут меня Гелей.

– Пускай и дальше зовут, а для меня ты будешь Ангелой. Вкусно?

– Очень, – она отломил щедрый кусок воздушного чизкейка и протянула ложечку Семёну. – Сам попробуй.

Он послушно открыл рот и съел угощение. Облизнулся. При виде кончика языка, скользнувшего по полной нижней губе, у Гели в животе всё перекувырнулось. Она поспешила задать вопрос:

– Так сколько тебе лет?

– Восемьдесят четыре, – по-старушечьи прошамкал Семён, якобы забыв добавить ещё одно столетие.

– Нет, я серьёзно, – она улыбку его выходке.
– Двадцать восемь, – неохотно добавил он и отчего-то помрачнел.
– И ты уже заведешь целым отделением! Как так?
– Постоянно учусь и впахиваю, как лошадь, – безразлично бросил он.
– А на работе не бывает... не знаю, как деликатно спросить... м-м, проблем из-за внешнего вида?

– Ты о моей звериной сексуальности? – Семён подмигнул, намекая, что это шутка.
– Да нет, скорее о хулиганистой внешности, – она обвела взглядом тоннели в ушах, серьгу в носу и татуировки на предплечьях.

– Пока я в буквальном смысле собираю людей по кусочкам, берусь даже за самые ненадёжные случаи и довожу пациентов до выздоровления, мне готовы прощать всё. Хотя завтра могу явиться в больницу в шлёпанцах и купальных шортах, руководство и это проглотит, потому как знают – я остаюсь профессионалом в любом виде. Просто люблю выделяться. Натура такая, бунтарская. Это, к слову, у нас семейное. Видела бы ты мою близняшку.

– У тебя есть близняшка? – Геля вытаращила глаза и с любопытством уставилась на парня.

– Я вас как-нибудь познакомлю, уверен, она тебе понравится.
– А почему ты называешь её близняшкой? Разве не правильнее говорить двойняшка?
– С медицинской точки зрения существует два типа близнецов: однояйцевые, то есть монозиготные, которые развиваются из одной оплодотворённой яйцеклетки. Такие близнецы всегда одного пола, имеют идентичную внешность и генетику. И разнояйцевые, то есть гетерозиготные, такие как мы с Кирой. Они появляются при оплодотворении двух разных яйцеклеток двумя разными сперматозоидами. Эти близнецы могут быть как одного, так и разного пола и иметь разный набор генов, который совпадает примерно на 40-60%. А двойняшки – это скорее просторечие, не имеющее никакого отношения к медицине. Извини, я, наверное, тебя утомил? Как-то само вырвалось.

– Ничего страшного, – отмахнулась Геля, впечатлённая скорее даже не его познаниями, а той горячностью, с какой Семён рассказывал о различиях между однополыми и разнополыми близнецами. – Ты отличный рассказчик.

– Да и ты расслабилась. Пойдём, что ли прогуляемся? И найдём кофейню получше, а то здешний кофе, прямо скажем, отстой.

Она согласилась и под аккомпанемент нескончаемых разговоров они вышли из торгового центра.

Семёну так и не удалось вернуться в больницу к двум часам. Едва он проводил до дома Ангелу, где у дверей подъезда попытался поцеловать на прощание, но получил лишь целомудренный поцелуй в щёку, раздался телефонный звонок.

– Сай, ты нам срочно нужен, – голос сестрицы, как обычно, портил все планы.
– Что опять? – с тоской спросил он, придумывая веский предлог для официальной работы. Прикинуться больным? Или сослаться на подработку в мединституте?
– Молодой демон, повреждение костяных отростков.
– Когти или рога? – деловито уточнил Семён.
– Рога. Я так поняла, он с кем-то бодался в прямом смысле этого слова, не рассчитал силу и...
– Кир, мне подробности не важны. Опиши симптоматику.
– Сильная боль, отёк и воспаление в волосяной области головы, видимая деформация рогов.

- Родственники рядом?
- Да, его мать привезла.
- Она демон?
- На вид ведьма-ведьмой, но говорит, что демон, – Кира заржала.
- Посади её на забор крови, понадобятся антитела для восстановления. Я приеду через...
- он посмотрел на часы в углу экрана, – через двадцать минут. Готовь операционную.
- Йа, майн либэ Шеф [ja, mein lieber Chef – немецкий, «Да, мой дорогой начальник»], – дерзко отозвалась близняшка и дала отбой.

Семён окинул взглядом дом, в котором жила девушка с говорящим именем Ангел, и вызвал такси через приложение Яндекс Гоу.

Пока дожидался машину, позвонил на человеческую работу и в красках описал свои выдуманные злоключения, мол, на перекрёстке его подрезал некий мажор на папкинском Мерседесе, теперь придётся ждать приезда ДПС, оформлять протокол и так далее. Главврач, интеллигентный мужчина предпенсионного возраста, поохал ради приличия и спокойно отпустил заведующего отделением травматологии решать неурядицы.

К предместью Рабочее Семён подъехал с небольшим опозданием. Он попросил водителя остановиться на пересечении улиц Баррикадная и Рабочая, а оставшийся путь до заброшенного военного склада проделал пешком.

Холмистый рельеф и буйная растительность создали идеальную маскировку для тайного подземного бункера. Старые бетонные укрепления, некогда служившие защитой, теперь выглядели как руины, оставленные временем.

Покосившийся складской ангар – единственное, что выдавало присутствие чего-то большего. Высокие стены, увенчанные камерами наблюдения, скрывали вход в подземный лабиринт. За неприметной дверью начинался крутой спуск в недра земли.

В глубине скрывался целый мир. Величественный вестибюль с системой очистки воздуха; операционные залы, где свет никогда не гас; палаты, хранившие покой необычных пациентов; диагностические центры, оснащённые по последнему слову техники; склады, полные медикаментов; жилые помещения для персонала, где каждый уголок пропитан мистикой и загадками; системы жизнеобеспечения, работающие независимо от внешнего мира.

Это место считалось неприступной крепостью: тройная система фильтрации воздуха, автономные генераторы и бронированные двери. Подземные туннели, словно вены древнего существа, пронизывали землю, готовые в любой момент стать путями к спасению. А овраги и холмы, окружающие территорию, служили естественной защитой. Грунтовые воды, находящиеся на безопасном расстоянии, не угрожали целостности комплекса.

Семён спустился на глубину тридцати метров и в приёмном покое наткнулся на обезумевшую от горя мамашу.

Кира очень точно описала её словами «ведьма-ведьмой». Высокая, статная женщина с чёрными, как смоль глазами металась между стенами. Её седые волосы были собраны в тугий пучок, а крючковатый нос придавал лицу сходство с хищной птицей. Ни дать ни взять горгулья.

Пронзительный голос разрезал воздух:

– Где мой сын?! Что вы с ним делаете, ироды?!

Семён обошёл крикливую демонессу по широкой дуге, облачился в белый халат, взятый с вешалки в служебном помещении, его голубые глаза скользнули по фигуре разъярённой матери.

– Доктор Саймон, – произнёс он бесстрастно. – Твой сын сейчас проходит предоперационную подготовку.

– Ты... ты! – ведьма вскинула руку, бормоча что-то под нос. – Сгною! По ветру прах рассею! Я уничтожу тебя, если с ним что-то случится!

Семён лишь приподнял бровь:

– Угрозы? Забавно. Позволь заметить, твои словеса не страшнее моей операционной. Здесь каждый день кто-то теряет части тела, и поверь, рога – это ещё не самое страшное.

Демонесса замерла, её глаза вспыхнули алым огнём.

– Ты... ты не боишься?!

– Боюсь? – доктор усмехнулся. – Я боюсь только одного – непрофессионализма. А твои демонические фокусы и детишек в цирке не впечатлят.

Он на миг позволил вампирской сущности проступить над человеческим обликом, сверкнул удлинившимися клыками и продолжил:

– У твоего сына вероятнее всего перелом рогового отростка. О степени перелома скажу точнее, когда, наконец, увижу пациента. Операция займёт около часа. Прогноз благоприятный, если, конечно, ты прекратишь метать молнии и дашь мне работать.

Ведьма сжала кулаки, но гнев в её глазах постепенно сменился тревогой:

– А если... если что-то пойдёт не так?

– Тогда мы будем действовать по протоколу, – ответил Саймон и заставил клыки уменьшиться, потому как в разговоре они только мешали. – Как всегда.

Он развернулся и направился к операционной, оставив беспокойную мамашу наедине с её страхами.

Глава 4

Операционная встретила Семёна стерильной белизной и ярким светом. Современное оборудование – мониторы, хирургические лампы и аппараты жизнеобеспечения – работало почти бесшумно, лишь изредка попискивая датчиками.

В воздухе витал характерный запах антисептиков и медицинского спирта, смешанный с едва уловимым ароматом хлорки. Продуманная эргономика помещения позволяла медицинскому персоналу свободно перемещаться между приборами, не создавая помех друг другу.

Операционная сестра-кристаллоид – представительница расы существ с полупрозрачной кожей, излучающей мягкое голубоватое сияние, – ловко раскладывала стерильные инструменты на столике, готовясь к процедуре. Её природная чувствительность позволяла точно «считывать» состояние пациентов, а невероятная точность движений делала её незаменимым помощником в операционной – она безошибочно предугадывала, какой инструмент понадобится врачу следующим. К тому же кристаллоиды обладали редким даром успокоения и благотворно влияли даже на самых тревожных пациентов.

Сам пациент – совсем юный демонёнок с копной курчавых чёрных волос, отличный от обычного человеческого ребёнка лишь парой рожек на макушке, – сидел на столе, болтал ногами с острыми коленками и активно гримасничал, отвечая на кривляния Киры.

– Ну-с, юный друг, – произнёс вампир, склоняясь над пациентом, – что тут у нас? Рога бодатые, значит?

– Д-да... – пролепетал демонёнок, морщась от боли. – Мы с другом... ну, это... поспорили.

– Понятно. Классическая история, – хмыкнул доктор. – Рога бодаются, а страдают травматологи. Позволишь взглянуть?

Мальчонка наклонил голову, Кира отступила на шаг и занялась собственными приготовлениями к хирургическому вмешательству.

Семён аккуратно ощупал повреждённые рожки, морща нос от специфического запаха демонической крови. В носу пощипывало копотью и палёной шерстью.

– Правый рог надломан, – констатировал он. – А левый, смотрю, просто деформирован. Не беда! У нас есть специальный корректор – приборчик такой, который выправляет рога за пару минут.

– Правда? – с надеждой спросил пациент.

– Конечно! – подмигнул вампир. – Только сначала придётся немного полежать спокойно. Сильварис, готовь свой самый вкусный коктейль!

Анестезиолог кивнул, качнул ветвистой макушкой и приступил к приготовлению снадобья. В воздухе за клубились разноцветные пары. Сильварис, или сокращённо Силя, был представителем древней расы древоподобных существ и отличался непробиваемым спокойствием и многовековой мудростью. Говорил он крайне редко и всегда по делу.

Хирург Кира встала рядом с головой мальчика, покуда молчаливый Силя надевал на лицо демонёнка кислородную маску. Её голос звучал как мелодичный перезвон.

– Ничего не бойся, корректор работает очень быстро и не причиняет боли. Уснёшь, а через пять минут всё будет готово. Кстати, Бенни, ты уже научился считать до десяти?

– Конечно, – фыркнул мальчонка.

– А в обратном порядке сможешь? – с вызовом спросил Саймон, внимательно сверяясь с жизненными показателями на мониторах.

– Десять, девять, восемь... Семь, – счёт пошел гораздо медленнее, голос стал слабеть. – Шесть, пять-ять...

Операция началась.

Силя замер у монитора с сердечными ритмами и с чуть приоткрытым ртом следил за белой линией, рисующей на экране последовательные пики.

Кристаллоид-сестра в стерильных перчатках аккуратно выбрила ребёнку макушку, её полупрозрачная кожа едва заметно светилась в свете операционных ламп.

– Как прошло твоё свидание? – полюбопытствовала сестрица, встав по другую сторону стола.

Семён тщательно обработал операционное поле антисептиком, затем взял ультразвуковой сканер для детального изучения структуры рога.

– По-человечески волнительно, – ответил он и жестом попросил у медсестры корректор формы – высокотехнологичный аппарат с мягкими насадками, создающий точное электромагнитное поле. – Она нервничала, пыталась убедить, что совершенно мне не подходит. Ни по возрасту, ни по другим критериям.

– Бедняжка Саймон, такого натерпелся, – съязвила близняшка. – Ты хоть поел?

Кристаллоид следила за разговором, переводя взгляд с брата на сестру, и хмурилась. Семён ей отчаянно нравился, как и многим женщинам в клинике.

– Она мне приглянулась не в качестве закуски.

Плавными движениями травматолог начал коррекцию повреждённой ткани. Кристаллоид-сестра подавала стерильные салфетки, структурирующий материал и дополнительные инструменты, предугадывая каждое движение специалиста.

– А выглядит она очень аппетитно, – присвистнула Кира. – Как булочка: румяная, пышная, сочная.

– У тебя претензии к моему вкусу?

– Скорее к его отсутствию.

– Кто бы говорил, любительница недалёких качков.

На мониторах отображались все показатели: давление, пульс, уровень кислорода в крови – всё было в норме.

Семён навёл последние штрихи, плавными и точными движениями пальцев придал рогу первоначальную форму и критически оглядел свою работу.

Теперь настал черёд Киры. Нацепив на лицо маску сосредоточенности, она точным движением вскрыла отёк на месте повреждения и выпустила наружу сгусток напоминающего жёлтые сопли гноя. По помещению поплыл тошнотворный болотистый запах. Удивительно, как быстро забивались инфекцией раны на теле демонов.

Силя засеменил на двух кривых пнях к панели управления и добавил мощности системе очистки воздуха.

Кира уже приступила к восстановлению повреждённых тканей. Используя микрохирургические инструменты, она аккуратно соединяла разорванные волокна, накладывая специальные биосовместимые швы.

– Крис, начинай переливание крови, – обратился Семён к медсестре.

Кристаллоид оторвалась от заполнения электронного журнала, в котором контролировала количество использованных инструментов и шовного материала, и коротко кивнула.

– Вечером всё в силе? – негромко спросила Кира, наблюдая за тем, как опытная медсестра перетягивает жгутом предплечье демонёнка, подкатывает штатив с капельницей и готовится влить в тело пациента добрых пол литра жгуче-красной демонической крови.

Саймон на миг выпустил внутреннего вампира на свободу, и в ту же секунду красивое лицо его исказилось гримасой злобы. Черты заострились, ровно как и клыки. Взгляд полыхнул алым.

Кристаллоид зябко поёжилась и с благоговением шагнула вперёд, оттягивая воротник униформы.

– Я могла бы покормить вас, мой господин, – столь же прозрачным голосом, как и её кожа, проговорила она и в приступе раболепия склонила колено.

Сестрица фыркнула и демонстративно отвернулась. Её всегда раздражали подобные фокусы – предлагать себя кому-то в качестве бутерброда, лёгкого перекуса, да даже изысканного деликатеса – в её мировоззрении это пахло унижением, за которое принято убивать.

Семён секунду готов был поддаться соблазну, но потом вспомнил вкус крови кристаллоида – безликий, пресный, оставляющий на языке ощущение, что пожевал мокрую вату, и решительно вернулся в человеческий облик.

– Благодарю тебя, – вежливо сказал он, легко касаясь плеча влюблённой ассистентки. – Моя жажда вполне терпима.

Крис поникла, съёжилась, как бледный цветок на закате, и вернулась к переливанию крови.

Кира, метнув короткий взгляд на брата, в раздражении закатила глаза.

Постепенно все манипуляции были завершены. Хирург наложила последний шов, а травматолог провёл контрольное сканирование. Убедившись в успешном результате, Саймон удовлетворённо кивнул:

– Отличная работа. Структура рога восстановлена, ткани заживут без осложнений.

Анестезиолог Силя начал процесс пробуждения пациента, постепенно снижая подачу препаратов. Операционная бригада с облегчением выдохнула – сложное вмешательство прошло успешно. Кристаллоид-сестра начала подготовку к стерилизации инструментов, аккуратно раскладывая их в специальные контейнеры для дезинфекции.

Демонёнок медленно начал приходить в себя.

– Ну вот, – удовлетворённо произнёс вампир, – как новенький! Теперь никаких боданий без разрешения родителей!

– Всё? – изумлённо спросил сорванец, ощупывая руками макушку, и удивлённо добавил, – совсем не болит! Спасибо вам большое! – поблагодарил он, чувствуя, как боль уходит.

– Не за что, Бенни. Обращайся, если что. Только в следующий раз постарайся решить спор словами, ладно?

– Ладно! – улыбнулся пациент, чувствуя себя уже почти здоровым.

Юный демон соскочил со стола и вприпрыжку поскакал в коридор, откуда минуту спустя послышался траурный вопль мамыши:

– Жив, Кровинушка! Чадушко моё родимое! И рожки целы, хвала Люциферу! Бенджамин, да не скажи ты, с ног сшибешь! А доктор твой где? Где этот упырь?

– Вот она, истинная благодарность демонов, – ворчливо вздохнула Кира и захлопнула дверь операционной.

– Ты сегодня явно не в духе, – подметил Семён. – Случилось чего?

Близняшка сорвала с рук перчатки, сняла маску и хирургическую шапочку, обнажив столь же белокурую голову, как и у брата, полыхнула чёрными как сама ночь глазами и процедила:

– Мама звонила. Сказала, что на следующей неделе заедет в гости.

Саймону захотелось осенить себя крестным знаменем и трижды сплюнуть через левое плечо.

– А папа знает?

– Хочешь его до инфаркта довести? Нет, конечно. И не смей звонить, я сама ему сообщу, как-нибудь помягче.

С этими словами она вышла из операционной и, покачивая ладными бёдрами, направилась в сторону комнаты отдыха. Семён повторил про себя дикое словосочетание: «мама заедет в гости» и попытался вспомнить, когда видел её в последний раз. В том, что это было во время Первой мировой войны [1914 – 1918 года], он не сомневался, однако никак не мог воскресить

в памяти точную дату. «Счастливое» воссоединение семьи произошло в период между двумя революциями: Русской [революция 1905 – 1907 годов стала важным этапом в истории России, итогом которой стало создание Государственной думы, сокращение рабочего дня до 9-10 часов и издание первой российской конституции] и двумя революциями 1917 года [имеются в виду Февральская и Октябрьская революции, итогом которых стало свержение самодержавия, приход к власти большевиков и формирование однопартийной системы]. Впрочем, не всё ли равно? Дражайшая матушка не объявлялась больше ста лет, а тут вдруг «нате, здрасте, прошу любить и жаловать». К чему бы это?

В баре гремела оглушительная музыка. Свет прожекторов метался по залу, выхватывая из темноты разгорячённые лица танцующих. Воздух был пропитан запахом алкоголя и пота, а смех и крики сливались в единый гул.

У барной стойки сидели двое: татуированный блондин с чистыми голубыми глазами и его сестра – ослепительная блондинка в откровенном наряде. Она притягивала взгляды всех мужчин в радиусе одного километра, но оставалась равнодушной к их вниманию.

– Я вижу двух полукровок, – склонившись к брату, проорала на ухо Кира. – Одна точно наполовину эльфийка, а вот второго никак не определю, не то дракон, не то тритон.

– Я больше по девочкам, – с улыбкой молвил Семён, поглядывая на беснующееся море тел. – Покажи эльфийку.

Близняшка криво усмехнулась и снова заголосила:

– Видишь девчонку у лестницы? Рыженькая в кожаной майке?

– Это у которой сиськи наружу?

– А ты на лица смотреть не пробовал? Да, я о ней.

Семён прищурился, разглядывая полукровку. Высокая, стройная, взгляд затуманен – не то под действием алкоголя, не то под веществами. Он представил себе этот коктейль в её крови и поморщился. Сама по себе эльфийская кровь считалась деликатесом, а уж в сочетании с человеческой природой и вовсе могла доставить небывалое удовольствие, но почему-то при взгляде на девицу с огненной гривой волос о блаженстве не думалось. Что-то в ней отталкивало, вызывало внутренний протест.

Впрочем, неважно. Чмокнув сестрёнку в щеку, Саймон спрыгнул со стула и уже через минуту оказался в дальнем конце зала.

– Моё сердце решило, что пора завести новое знакомство, – вплотную приблизившись к девушке, он шепнул на ухо избитый приём. – Надеюсь, твоё не против?

Открытый взгляд, в котором легко читался недвусмысленный интерес с его стороны, и туманный – с её. Дурацкая улыбка растянула её губы. Пф-ф, вообще не интересно. Но тем не менее Семён обвил её талию рукой и погладил поясницу.

– Как зовут тебя, малыш? – его голос окутывал, словно полумрак, и пробуждал самые низменные инстинкты.

– Оля, – прокуренным баском выдала эльфийка. – А тебя?

– Алекс, – солгал вампир. – Тебе не кажется, что здесь слишкомлюдно? – он прижался всем телом к её прелестям и отключил всю человечность. Пускай им управляют инстинкты, так куда проще, нежели постоянно ощущать на себе тычки совести.

– Кажется, – она выгнулась, потираясь животом о его промежность, потом накрыла пах рукой. – Ого, мне уже нравится.

– Давай сделаем так, чтобы понравилось ещё больше, – предложил Саймон и поволок на всё согласную девчонку в сторону выхода.

На пороге обернулся и подмигнул сестрёнке, которая уже увлечённо болтала с каким-то тупоголовым парнем со смазливой рожей и подтянутой фигурой легкоатлета.

Проза жизни, что тут скажешь. Такими уж они уродились. Он зависим от крови, она – ни дня не может без секса. Спасибо маме с папой за взрывоопасный коктейль генов, который обрёк их на это жалкое существование.

Ангелина никак не могла заснуть. Битый час ворочалась с боку на бок, пытаясь устроиться поудобнее, но сон всё не шёл. В мыслях то и дело мелькало красивое лицо доктора.

Его улыбка – это взрыв сверхновой, непредсказуемый и ослепительный. Губы – как запретный плод, манящий и опасный. А лёгкая небритость – словно карта неизведанных земель, по которой хотелось водить пальцами.

В его внешности было что-то от падшего ангела, решившего устроить вечеринку в аду. Он – как глоток свежего воздуха в затхлом помещении, как молния в грозу, как первая капля дождя на раскалённом асфальте. Его красота – это не классическая симметрия, а бунт против всех канонов, и именно в этом крылся главный секрет его притягательности.

Словно в ответ на её думы на телефон пришло сообщение:

«Внимание, миссия!

Цель: найти напарницу для небольшого переворота в скучной реальности.

Требования:

** Игнорировать таблички «Посторонним вход воспрещён»*

** Любить адреналин больше, чем кофе*

** Не бояться нарушать правила*

Если ты та самая — пора начать игру.

P.S. Пароль для входа в игру: «Я обожаю экстрим!»

Она трижды перечитала текст, захохотала и с энтузиазмом принялась отвечать:

«Боюсь, мой лечащий врач не одобрит экстремальный досуг, но вряд ли я смогу узнать его мнение в столь поздний час, так что...

Я обожаю экстрим!»

Семён не замедлил оставить реакцию в виде дьявольского смайлика, затем напечатал:

«Одевайся потеплее и выходи. Я заеду через полчаса» и в конце оставил ещё одну жёлтую рожицу, которая слала воздушный поцелуй.

Геля взвизгнула, потом прислушалась к воплю внутреннего голоса, сетовавшего на слишком быстрый темп в развитии отношений. *«Негоже поощрять авантюры со стороны мало-знакомых парней»*, – бурчал этот занудный голос. Но девушка лишь отмахнулась.

Она и так дожила до тридцати с хвостиком чинно и благородно. Ни разу не напивалась до состояния поросычьего визга, ни с кем не дралась, даже в сомнительных компаниях никогда не бывала. Всё всегда находилось под чутким контролем. Поцелуй на третьем свидании, близость – не раньше, чем через месяц, да и то при наличии ответных чувств. Она не пробовала ничего запретного, не теряла голову в пылу безумства, не сгорала от необузданного желания. И много в её жизни было такого, что всегда оставалось «не». Так когда, если не сейчас?!

Она с трепетом вынула из шкафа самый откровенный комплект белья, который лежал там с незапамятных времён. Быстро срезала бирки и нацепила на себя, покрутилась у зеркала. Лифчик оказался маловат, за три года её грудь еще больше отяжелела, но дискомфорта не было, так что Геля решила оставить полупрозрачный ансамбль и вывернула всё содержимое шкафа в поисках подходящих вещей. Ей хотелось дерзости, быть смелой и сексуальной, однако столь любимые ей балахоны и старомодные наряды, закрывающие фигуру от горла до пяток, явно не отвечали её целям. Тут на глаза попались кожаные шорты длиной до колена, а простая чёрная футболка как нельзя лучше садилась к ним в тон. V-образный вырез открывал взгляду зону декольте, а рукав до локтя скрывал дряблость рук. Сверху она накинула бежевый кардиган из тончайшего хлопка и осталась вполне довольна своим отражением. Да, не худышка, но тоже очень даже ничего при определённом освещении.

Губы она решила не красить, а вот зубы почистила дважды.

Когда колдовала над причёской, силясь изобрести что-то необычное, но при этом простенькое с виду, в дверь позвонили. Геля выронила расчёску и обмерла. Кровь отлила от верха и устремилась к ногам. Сердце глухо застучало где-то в ушах.

Она открыла, хотя пальцы не слушались. На пороге стоял Семён с широченной улыбкой от уха до уха.

– Эрих Мария Ремарк написал однажды, – с ходу заговорил ночной визитёр, – что женщина от любви умнеет, а мужчина теряет голову.

– Да? – только и сумела выговорить Геля, потом опомнилась и жестом пригласила гостя войти.

Семён шагнул в тесный коридор.

– Да, он так высказался на тему влияния женской красоты в «Триумфальной арке».

Ангелина вновь смутилась, потом вспомнила, что решила поддаться духу бунтарства, и привстала на носочки, чтобы чмокнуть мужчину в губы. Если он и удивился, то виду не подал, а вот когда она начала отстраняться, придержал за затылок и шепнул:

– Если уж целуешь, то делай это по-взрослому.

И смял её губы своими, смело, но в то же время очень трепетно. Геля растерялась всего на миг, а потом с каким-то отчаянием прижалась теснее и обхватила ладонями его лицо, водя пальчиками по щетине. Не колючей, нет. Мягкой, шелковистой, от которой слегка покалывало подушечки.

Она уже и забыла, что поцелуи бывают такими, не просто хаотичные движения рта, а фее-рия ощущений и вкуса. Семён походил на ураганный ветер, раздувающий безудержное пламя из посеревших угольков. И при этом он почти её не касался, лишь скользил губами, да изредка пробовал её губы кончиком языка, словно примеряясь.

Он первым отодвинулся, глубоко вдохнул и шумно выдохнул через рот.

– Такими темпами мы никуда не поедem, – сказал всё тем же шёпотом.

– Да... я... ага, – она и двух слов связать не могла. По цвету лицо напоминало панцирь вареного рака. Отступила на шаг. Сняла с запястья резинку для волос и быстро убрала локоны в небрежный пучок. – Готово.

– Тогда поехали, пока я ещё в состоянии быть джентльменом, – Семён протянул руку, и вместе они спустились вниз, где их уже дожидался стальной приятель доктора – кастомный «Урал» с огненными всполохами на бензобаке.

– Каталась когда-нибудь на таком? – с бахвальством уточнил Самсонов и достал из-под сиденья второй шлем.

– Нет, но всегда мечтала, – Геля с готовностью водрузила на голову чёрную каску и бес-толково попыталась застегнуть ремешки под подбородком.

Семён помог, затем показал, как залазить на мотоцикл, сам оседлал его и никак не про-комментировал её неуклюжие старания занять место позади.

– Обещаю сильно не гнать, – уверил он, когда Геля излишне агрессивно стиснула его бока и сцепила руки в замок у него на животе.

– Ага, – прокричала она и всем телом прижалась к мужской спине. – Только не урони меня!

Семён достал из кармана ключ и едва коснулся замка, как мотоцикл отозвался тихим, утробным звуком, похожим на довольное урчание кота. Приборная панель ожила, приветственно подмигивая разноцветными огоньками.

Мотоцикл под ним напрягся, как скакун перед стартом, готовый рвануть вперёд по первому же знаку. Геля тоже сжалась в пружину.

Впереди ждала дорога, а, как известно, именно с неё начинаются самые большие приключения в нашей жизни.

Глава 5

Семён уверенно вёл мотоцикл по ночным улицам. Геля сидела позади, крепко обхватив его за талию, и не рисковала открыть глаза. Инстинкт самосохранения бился в истерическом припадке, даже когда ехали по прямой, а уж если мотоцикл закладывал вираж... Она не визжала лишь потому, что голос пропал, как случается в самых жутких кошмарах. Ветер развеивал её одежду, а скорость казалась немыслимой, заставляя забыть обо всех тревогах, кроме одной единственной – её жизнь висит на волоске и всецело принадлежит Семёну.

Наконец сумасшествие немного улеглось. Геля с опаской открыла один глаз, увидела медленно затухающий городской ландшафт. Широкополосная дорога сменилась уютным просёлком, «Урал» сбавил ход и с утробным ворчанием помчался по укатанной гравийке, а потом и вовсе замер у сплошной стены из бетонных плит советской эпохи.

Тьма лениво окутывала заброшенный стекольный завод на окраине Иркутска. Его мрачные стены, исполосованные временем и непогодой, хранили отголоски бывшего величия, а разбитые окна зияли чёрными провалами, впускающими внутрь холодный ветер. Время оставило на фасаде неизгладимый след: обрушившаяся кладка, почерневшие карнизы и осыпавшаяся штукатурка создавали причудливый готический узор.

Семён подал руку, чтобы помочь Ангелине спешиться, затем выставил подножку и слез сам.

– Готова к небольшому проникновению без взлома? – спросил он.

Она нервно сглотнула, глядя на высокий забор.

– Э-эм, ты предлагаешь забраться на территорию заброшенного завода? – на всякий случай уточнила она.

– Именно! – он с энтузиазмом потёр ладони, потом вынул из-под сиденья небольшой рюкзак, закинул на плечо и поторопился. – Пошли, а то до рассвета копать будем.

И уверенно двинулся к забору. Геля так и застыла истуканом.

– Предлагаешь лезть через него? – она указала взглядом на неприступную стену из одинаковых бетонных блоков.

– Можно было бы вырыть подкоп, но это затянется на всю ночь. Ну же, Ангела, неужто струсил?

– Я не уверена... – она вздёрнула вверх аккуратные бровки и отступила на шаг. – Что, если не получится? А если я упаду?

Семён улыбнулся.

– Я подстрахую тебя. Сложностей не будет, вот, смотри.

Он взбежал вверх по небольшой насыпи, ловко вскарабкался на выступ между двумя плитами, уцепился за край забора, подтянулся и лихо перекинул ногу через преграду.

– Плёвое дело, как видишь, – прокомментировал он с высоты ограждения, а потом совершенно по-паучьи спустился вниз, ловко орудуя руками и ногами.

Геля колебалась, но разыгрывать фатальную карту самоубийцы явно не входило в её планы.

– Плёвое для тебя, – спустила она мечтателя с небес на землю. – Я, знаешь ли, считаюсь не слишком спортивной, вернее сказать...

Семён быстро подошёл, обхватил за щёки и заставил смотреть на себя.

– Просто доверься мне, ага, – попросил, заглядывая в глаза. – Ты никак не пострадаешь и со всем справишься.

– Может, мы поищем дыру в заборе?

– Ангела, мы перелезем, – не терпящим возражения тоном заверил Самсонов.

– Ладно, – прошептала она. – Попробуем.

Не веря ни единой секунде этой дурацкой затеи, Геля покорила обстоятельствам и понуро пошлёпала к ограждению.

– Ногу ставишь сюда, а руками цепляешься здесь, – напутствовал Семён, указывая правильную комбинацию. – Ничего не бойся, я буду позади.

Она попробовала задрать ногу на выступ и даже справилась с задачей, но так и не поняла, за что держаться руками. Опасно покачнулась. Крепкие мужские руки упёрлись в поясницу, не позволяя упасть.

– Не паникуй, ты умничка. Теперь привстань на носочки и берись за верх. Подтягивайся!

– Сём, я не смогу, – со смехом выдавила из себя Геля.

– Ещё как сможешь, красавица. Оттолкнись ногами и тяни себя вверх.

– Это закончится свёрнутой шеей.

– Максимум ушибленной коленкой, но тебе не о чем переживать рядом с травматологом.

Окажу первую помощь по высшему разряду.

Она обернулась назад и ворчливо сказала:

– Спасибо, утешил.

– Утешу, как окажемся по ту сторону, – с намёком пообещал Семён. – Лезь уже, а то начну распускать руки.

На удивление, всё вышло, как он задумал. Подтянуться Геля не сумела, но авантюрист подсадил, позволив упереться ступней в свои сцепленные в замок руки, и она благополучно оказалась наверху, села, железной хваткой впившись в бетонную плиту. Через мгновение Семён очутился рядом, оттолкнулся ногами и с кошачьей грацией прыгнул на землю. Приземлился на полусогнутых, отряхнул ладони и с нетерпением воззрился на свою спутницу.

– Прыгай.

– С ума сошёл? Я же убьюсь.

– Здесь всего пара метров, не убьёшься, – он простёр руки в её сторону и поманил согнутыми ладонями. – Ну же, Ангела, иди ко мне. Я поймаю.

– Я тебя раздавлю, – почти серьёзно предупредила Геля.

– Буду только счастлив, если попробуешь.

– Ты чокнутый, – неодобрительно покачала она головой.

– Ты даже не представляешь, насколько. Прыгаешь? Или мне стянуть тебя за ноги?

– Господи, нет! Не приближайся. Я сама.

И она сиганула вниз. Но в самый ответственный момент футболка зацепилась за ржавый штырь. Геля почувствовала препятствие, дёрнулась, послышался скрип рвущейся ткани, а через миг она уже крепко стояла на ногах, руки покоились на твёрдых мужских плечах, поясницу жгло, а вокруг талии обвивались тёплые ладони.

– Я это сделала? – с удивлением спросила она.

Семён рассмеялся:

– И почти удачно! Дай-ка посмотрю, что с твоей спиной.

Он крутанул её на месте, заставив обернуться к себе задом, задрал кардиган и с ухмылкой заявил:

– Футболка своё отжила, – потом раздвинул края ткани и самыми кончиками пальцев прошёлся вдоль позвоночника. – Ты от вида крови сознание не теряешь?

– А есть девушки, которые теряют?

– Мало ли на свете истеричек. У тебя там небольшая царапина. Обработаем, как вернёмся назад к байку.

Геля повернулась, на лице сияла смущённая улыбка.

– Теперь у меня модный рваный стиль! – попыталась пошутить.

– Точно, ты в тренде, – подмигнул Семён. – К тому же, с боевым ранением!

Они засмеялись и медленно пошли по заброшенной территории, освещая путь фонариками из рюкзака. Геля с удивлением рассматривала остатки бывшего производства – огромные печи, застывшие навеки конвейеры, причудливые формы остывших стёкол.

– Почему ты привёз меня сюда?

– Просто захотелось. Я люблю подобные места. Когда-то здесь кипела жизнь, а теперь не слышно ни звука – есть в этом месте что-то величественное и в то же время жуткое.

В одном из цехов они устроили привал. Семён расстелил небольшой плед, достал термос с горячим чаем и упаковку с печеньем.

– Знаешь, – сказала Геля, отпив глоток чая из крышки, затем передала её Семёну, – я никогда не думала, что могу быть такой... авантюристкой.

Он улыбнулся, глядя ей в глаза.

– Ты можешь всё, что захочешь. А порванная футболка – это просто деталь образа отважной искательницы приключений.

– У тебя завтра выходной?

– Нет, к сожалению. В восемь утра нужно появиться на работе.

– Сём, но ведь уже три часа ночи! Ты же совсем не отдохнёшь перед сменой.

– Сделаю обход и завалюсь спать, не впервой. А какие у тебя планы на оставшийся до работы пару дней?

– О, ты знаешь, я решила продлить себе отдых, – Геля наполнила крышку свежей порцией чая и обхватила её обеими руками, согревая чуть продрогшие пальцы. – Вчера написала заявление на увольнение. Начальница не стала зверствовать и отпустила без положенной двухнедельной отработки. Так что с начала новой недели я официально обретаю статус бездельницы.

– А кто ты по образованию?

– Не поверишь, – она хихикнула, – психолог.

– И как же ты оказалась на почте?

Её восхитила его осведомлённость. Он помнил о месте работы, знал домашний адрес, будто и впрямь испытывал неподдельный интерес.

– Без опыта работы сложно устроиться, а на почте у мамы – родственница. Она и помогла устроиться. Первое время думала – это так, временно, но затянулось аж на десять лет.

– Есть идеи, где попытать счастье? – Семён дождался, пока она отпустит чашку, а потом заключил её ладони в свои, поднес к лицу и подул, согревая пальчики жаром своего дыхания.

– Попробую устроиться по профессии, – с сомнением проговорила Геля и замерла, вглядываясь в тёплую синеву его взгляда.

– Я знаю одно место, куда тебя возьмут с большой охотой. Я там подрабатываю... хм, скажем так, в свободное от работы время.

– Ой, нет, Сём, не стоит. Не хочу взваливать на тебя эти хлопоты.

– Какие хлопоты, ты о чём? Я сделаю им одолжение, когда приведу туда тебя.

– Давай обсудим это на свежую голову, – дипломатично предложила Геля.

– Сегодня у меня на редкость несвежая голова, – тихо поделился Семён и чуть подался вперёд, словно намереваясь поцеловать. Однако не сделал этого, лишь потёрся кончиком носа о её нос и шумно вдохнул, наполняя лёгкие запахом её кожи. – Хочешь увидеть город с высоты? На крыше отличный вид.

Геля замаялась, одёргивая на спине рваные края футболки.

– А это безопасно? И как мы туда попадём? Вдруг я не смогу подняться?

– Трусишка, – пожурил он. – Есть служебная лестница. Я много раз там бывал. Из опасностей там только мусор на крыше.

Они медленно поднимались по скрипучим ступеням. Геле то и дело хотелось попросить остановку, чтобы перевести дух, но она упрямо карабкалась вверх по крутым ступенькам

металлической лестницы. Семён спокойно шёл позади, не испытывая ни малейшего дискомфорта.

– Последний пролёт немного шаткий, лучше держаться за перила, – предусмотрительно предупредил он, и Геля тут же обеими руками схватила за перила.

На крыше ветер оказался настолько сильным, что едва не сбивал с ног. Геля отчаянно вцепилась в руку Семёна, чувствуя, как сердце колотится в груди.

– Вот это да! – восхищённо прошептала она, когда страх немного отступил. – Никогда не видела город с такой высоты. Кажется, что весь Иркутск лежит у наших ног.

Семён достал из рюкзака несколько цветных дымовых шашек. *А он основательно подготовился к этой поездке*, подумалось ей.

– У меня есть сюрприз. Только давай аккуратно.

Он поджёт фитиль первой шашки. Сиреневый дым медленно поднялся в небо, распространяя вокруг плотную завесу цветного смога. Затем последовали зелёные и красные клубы.

– Да ты романтик, Семён Игоревич! – воскликнула Геля, жадно впитывая в себя каждое мгновение этой чудесной ночи.

– Я не волшебник, я только учусь, – улыбнулся Семён, цитируя старый советский чёрно-белый фильм из детства – «Золушка», и обнял свою напарницу по приключениям. – Создаём свои собственные чудеса.

Они стояли, прижавшись друг к другу, наблюдая, как дым рассеивается в ночном воздухе. Геля чувствовала невероятный прилив восторга.

Вокруг не происходило ничего необычного: ночь, крыша заброшенного завода, яркий дым шашек и общество самого невероятного доктора во всём городе; но ей хотелось петь и танцевать.

Геля прижалась к мужчине, чувствуя, как тепло разливается по всему телу.

– Спасибо тебе за эту ночь. И за то, что веришь в меня даже больше, чем я сама.

– Знаешь, какую благодарность предпочитают врачи? – Семён сбросил с крыши последнюю выдохшуюся шашку, отёр руку о штанину и нежно коснулся её щеки.

– Коньяк? – шутливо предположила она.

– Настоящий армянский пятизвёздочный? – с деланным энтузиазмом спросил он.

– Боюсь, тебя ждёт разочарование, я хотела отделаться бутылкой за триста рублей.

– Вот ты жадина!

Она первой потянулась губами к его улыбке и растворилась в тающей ласке. Она могла бы ожидать, что его поцелуи жаркие, воспламеняющие, требовательные, но реальность оказалась куда прекраснее. Он не старался вскружить ей голову, а словно бы завоёвывал доверие. Медленно, с расстановкой и очень методично. Он воспламенял, но не подливал масла в огонь.

Они ещё долго стояли на крыше, любясь пасторальным пейзажем и далёкими огнями города. Геля куталась в мужские объятия, как в самый тёплый плед, с удовольствием ощущала у виска жар его мерного дыхания и боролась с желанием ущипнуть себя.

– Почему ты относишься ко мне в больнице иначе? – вопрос сам слетел с языка. – В смысле, мне казалось, что я тебя чем-то раздражаю.

– Ты нарушила мой покой, – задумчиво сказал Семён, – а я его очень ревностно оберегаю.

– Ты был женат?

– Я и сейчас не свободен, – он помолчал для острастки. Геля напряглась всем телом. – В том смысле, что моя вторая половинка – это работа. А так нет, в ЗАГС меня никто не водил.

– Вот ты жук первомайский, – она легонько шлёпнула его по руке, которая обвивалась вокруг живота, и только сейчас поняла, что не пытается втянуть ненавистную часть тела и вообще как бы то ни было спрятаться. Она будто прониклась уверенностью, что нравится ему на самом деле.

– А ты была замужем?

– Ну-у, знаешь, как бы... – она замялась.

Семён резко развернул её лицом к себе и жадно впился взглядом.

– Знаешь **что?** – с натугой спросил он, и развесёлая ухмылка напрочь исчезла.

– Как-то не зовут, – Геля пожала плечами и не удержалась от смеха.

– Ах, вот оно что, – он хохотнул в ответ. – Один-один, значит. Ладно, я ещё отыграюсь.

– Только не заиграйся, – она щёлкнула его пальчиком по носу и со щемящей сердце нежностью прижалась щекой к плечу.

Домой она вернулась с рассветом. Окрылённая, опьянённая и невероятно счастливая. Семён, как и обещал, обработал неглубокий порез хлоргексидином из аптечки, которую всегда возил с собой. Стоя в спальне у зеркала, Геля разглядывала неаккуратный зигзаг, который оставил на коже металлический штырь, и улыбалась, как полоумная.

Всё-таки иногда люди выигрывают в лотерее. Вот ей явно достался джекпот. Пирсингованный, татуированный и эрудированный бунтарь на кастомном «Урале».

Проснулась Геля к полудню, да и то от звука входящего сообщения. Медленно отняла взлохмаченную голову от подушки, нащарила телефон и увидела на экране блокировки оповещение от «Телеграма» с именем «Семён». Что-то внутри оборвалось и холодным комком шлёпнулось в желудок. По коже побежали стада суетливых мурашек.

Она открыла мессенджер и увидела сразу несколько присланных «кружочков». Нажала на первый. Улыбчивое лицо Семёна заговорило:

– Привет, Ангела! Решил рассказать тебе, как проходит мой день. На работе я сегодня с семи утра, впрочем, как и всегда. Заведующий – это тебе не шутки. Пока все спят, я уже проверяю истории болезней, планы операций... И да, половина историй написана так, что понять, где у пациента перелом – левая нога или правая рука, можно только с помощью хрустального шара. Благо, у меня прабабка – потомственная гадалка.

Запись прервалась. Геля хихикнула, села поудобнее и записала в ответ голосовое сообщение:

– Сёма, привет! Мне, правда, искренне жаль, что тебе приходится работать после бессонной ночи. Впредь давай ограничиваться вечерними прогулками.

И, кстати, мне нравится твой трудоголизм. Как и твоя родословная. Прабабушка – гадалка – это мечта, как-нибудь обязательно попрошу тебя погадать. А кто у тебя родители? И, если не сложно, пришли мне фото сестры-близняшки, страсть как хочется посмотреть на тебя в женском облике, или вы совсем не похожи?

Она отправила послание и с замиранием сердца приступила к просмотру следующей весточки от хвастливого доктора. На сей раз Семён не сидел в кресле у окна с кремовыми жалюзи, а стремительно мчался по коридору:

– В общем, к восьми утра начинается обход, о чем ты и так знаешь. И я уже сожалею, что изображал из себя сдержанного профессионала, когда оказывался рядом с тобой. Хочу снова послушать, как бьётся твоё сердце. Очень-очень внимательно.

Геля прикусила губу и сползла по подушке. Ей вспомнился этот ежедневный ритуал, а буйное воображение снабдило его парой фантастически ярких деталей, которые не имели места в действительности.

– Но давай-ка вернёмся к мыслям о работе, иначе торчат мне под струями ледяного душа. Так, о чём я? Ах да, обход. Тут главное не перепутать, кто из пациентов вчера упал с лестницы, а кто неудачно станцевал лезгинку на свадьбе. Каждый случай уникален, как отпечаток пальца.

К слову о пациентах. Сегодня к нам дедок поступил и давай расписывать, как он «просто споткнулся о коврик» – а на рентгене полный набор: перелом шейки бедра, трещина в тазу и вывих плеча. Видимо, коврик хорошенько дал сдачи.

Видео снова оборвалось. Геля только начала диктовать ответ, как телефон разразился мелодией и уведомил о входящем видеозвонке. Она встрепенулась и отклонила вызов. Семён настойчиво повторил попытку связаться. Она снова смахнула звонок и быстро напечатала:

«Я только проснулась. Поверь, ты не захочешь увидеть меня в таком виде».

Настырный доктор вновь предпринял попытку пообщаться через камеру. Геля чертыхнулась и направила экран в потолок.

– Почему я записываю тебе чёртовы «кружочки», а в ответ получаю какие-то жалкие голосовые? – в его голосе слышалась нотка раздражения. – Ангела!

– Сём, я... не очень люблю фото, а видео и подавно. Ну, ты понимаешь...

– Не понимаю, – перебил он. – Потому что хочу видеть твои глаза и улыбку, когда разговариваем, а не пялиться в потолок.

Она со вздохом навела камеру на себя и спряталась за завесой волос.

Семён сидел у себя в кабинете, справа пестрел строчками монитор компьютера, слева светились ярким дневным светом задёрнутые жалюзи.

– Смею тебе напомнить, что я видел тебя в пижаме и спросонья. Так что если ты хотела побережь эту красоту до первого совместного утра, то прогадала. Убери волосы от лица, пожалуйста.

Она неуверенно откинула пряди со лба и робко, будто преодолевая страх, посмотрела в камеру.

– Привет, – Семён улыбнулся и скорчил рожицу.

– Привет, – Геля ощутила, как наливаются огненным румянцем щёки.

– Прекращай меня стесняться. Кто вообще внушил тебе мысль, что ты можешь быть некрасивой?

– М-м, зеркало?

– Чушь собачья, оно у тебя какое-то кривое. Знаешь, зачем я позвонил?

– Вогнать меня в краску?

– Мне нравится этот глагол из твоих уст, – Семён ухмыльнулся, облизнул губы, словно смакуя все оттенки красочной фантазии, которая мелькнула в голове, потом добавил. – Я хотел пригласить тебя на обед. Только не в торговый центр, ага? Сжался над моим желудком.

– Я не против, если ты выберешь место, куда пустят в майке и джинсах, иначе я буду собираться до самого ужина.

– Отлично, тогда я пришлю за тобой такси.

– Эй, полегче! Я и сама могу приехать, ты только скажи, куда.

– Если скажу, тебе придётся показать мне свою сегодняшнюю пижаму. Целиком.

Геля разразилась смехом.

– Серьёзно?

– Более чем, – Семён откинулся на спинку кресла и обхватил рукой затылок. – Так что, вызывать такси?

– А если на мне застиранная футболка и бабкины панталоны?

– Я готов любоваться хоть скафандром, если в нём будешь ты, – льстиво отозвался он.

Геля прижала телефон к груди и беззвучно завершала, совсем как школьница, впервые влюбившаяся в старшеклассника-хулигана. Потом набралась храбрости, улеглась вдоль кровати и подняла телефон на расстояние вытянутой руки. Медленно повела им вниз, давая обзор на алый велюровый комплект из майки с кружевной окантовкой и шортикам в тон. Её не покидала мысль, что на теле нет бюстгальтера, и весьма аппетитная грудь являет собой бесформенное зрелище. Да и бедра далеки от идеала.

Закончив с обзорной «экскурсией», Геля перевернулась на живот и прислонила телефон к изголовью.

– Ты уверена, что это ночной костюм твоей бабки? – спросил Семён.

Она кивнула, не в силах произнести что-то вслух. Сердце гулко стучало, в животе ворочался горячий шар желания. Она не смогла бы признаться, но эта выходка наэлектризовала всё внутри. Судя по всему, на Семёна она тоже подействовала опьяняюще. Он неотрывно смотрел в камеру, глаза блестели, словно два озера во время дождя, а по губам блуждала манящая улыбка.

– Больше не показывайся мне в этой пижаме, пока не надумаешь разрешить её снять, – предостерег он, прикрыл глаза, потёр переносицу и чуть более мягко сказал, – одевайся. Буду ждать тебя в ресторане «Радан Холл» на улице Ярославского.

Геля шутливо козырнула и сложила губы трубочкой, отправляя воздушный поцелуй. Семён сделал вид, что поймал её чмокание и с самым серьёзным видом прижал сжатый кулак к сердцу. Она улыбнулась и завершила звонок. Пулей вскочила с постели и помчалась одеваться.

Оставшиеся «кружочки» досматривала на бегу.

– После обеда я пропадаю в операционной, – вещал Семён из комнаты, которая больше всего напоминала ванную. – Тут без шуток – ответственность огромная. Иногда думаю: вот бы изобрели кнопку «отменить травму», но пока приходится работать руками. Позавчера была операция на колене – четыре часа корпел над микроскопом, как ювелир. А после – чувствуешь себя, будто сам прошёл через операцию, притом самую бесчеловечную.

Ближе к вечеру – бумажная работа. Знаешь, сколько форм нужно заполнить, чтобы просто зафиксировать перелом мизинца? Я уже и не считаю. Иногда мечтаю о том дне, когда все эти бумажки превратятся в пепел... Но пока что пепел остаётся только от моих нервов. А ещё от кофе – пью его литрами.

Ах да, забыл упомянуть, что в обед у меня обычно консилиумы, обсуждения сложных случаев. На днях был пациент с переломом челюсти после драки – представь, он пытался мне доказать, что упал с велосипеда! А его так называемый «велосипед» стоял в углу палаты и тихонько хихикал.

Вечером – консультации, обсуждения с коллегами. И да, я всё ещё заведующий, так что все сложные случаи – ко мне. Иногда хочется сказать: «Ребята, давайте распределим травмы поровну!», но кто ж меня послушает? А ещё приходится разбираться с жалобами – особенно весело, когда пациент жалуется, что мы слишком медленно лечим его перелом. Люди порой такие глупые.

А дома я просто ноль. Без всяких палочек и оговорок. Валюсь на диван напротив телика и убиваю мозговые клетки тупыми сериалами. Чаще всего смотрю «Теорию большого взрыва» или «Секс в большом городе». И не хихикай там, я преданный поклонник творчества Сары Джессики Паркер. Кстати, на днях пересматривал «Скорую помощь», и нет, не из-за Джорджа Клуни, мне больше по нраву Джулианна Маргулис. Вот я ретроград, правда?

Засыпаю где-то через час-два после возвращения. Иногда на том самом диване, но чаще стараюсь всё же донести свою тушку до кровати. Правда, порой во сне продолжаю читать истории болезней – просыпаюсь в холодном поту, пытаюсь вспомнить, где у пациента был перелом.

Геля прослушала несколько видеозаписей подряд и каждый раз диву давалась, как так вышло, что такое сокровище – и до сих пор одинок? Ответ напрашивался сам собой. У Семёна попросту нет времени и сил на отношения. Работа занимает всё его время и мысли.

Уже в такси она запустила последний оставшийся «кругляш» и с тянущим низ живота предвкушением уставилась на экран.

– И да, я всё ещё живой, несмотря на все эти травмы и бумажки. Видимо, судьба у меня такая – спасать людей и рассказывать тебе об этом в «кружочках». А ещё у меня сегодня был пациент, который поблагодарил меня за то, что я «так профессионально сломал ему гипс» –

это, наверное, высшая форма доверия. Впрочем, какую ересь я несу? Всё, пора отключаться – уже заговариваться начинаю.

Сообщение оборвалось. Она хотела было убрать телефон, как Семён поделился фотографией с подписью: «Моя сеструха».

На снимке застыли две поразительные фигуры. Словно две половинки одной души, брат и сестра стояли в рок-позе, подняв руки в характерном знаке «коза».

Он – высокий голубоглазый блондин с выразительными татуировками на руках и тоннелями в ушах. Колечко в носу добавляло его образу бунтарский шик. Чёрная футболка и джинсы подчёркивали его стройную фигуру, а взгляд буквально сражал наповал духом дерзости и свободы.

Она – его зеркальное отражение, но с женственным началом. Те же светлые волосы, но тёмные глаза, придающие облику оттенок загадочности. Пирсинг в языке, так называемая «штанга», добавляли образу роковой соблазнительности. Даже статичная поза не могла скрыть природной грации.

Оба, приподнявшись на цыпочках, высывали языки в игривом жесте, их улыбки ослепляли, а красота казалась столь совершенной, что от неё пробирало до дрожи – словно два ангела-бунтаря, спустившиеся с небес, чтобы нарушить покой земной ночи.

Глава 6

Семён уверенно вёл мотоцикл по ночным улицам. Геля сидела позади, крепко обхватив его за талию, и не рисковала открыть глаза. Инстинкт самосохранения бился в истерическом припадке, даже когда ехали по прямой, а уж если мотоцикл закладывал вираж... Она не визжала лишь потому, что голос пропал, как случается в самых жутких кошмарах. Ветер развеивал её одежду, а скорость казалась немыслимой, заставляя забыть обо всех тревогах, кроме одной единственной – её жизнь висит на волоске и всецело принадлежит Семёну.

Наконец сумасшествие немного улеглось. Геля с опаской открыла один глаз, увидела медленно затухающий городской ландшафт. Широкополосная дорога сменилась уютным просёлком, «Урал» сбавил ход и с утробным ворчанием помчался по укатанной гравийке, а потом и вовсе замер у сплошной стены из бетонных плит советской эпохи.

Тьма лениво окутывала заброшенный стекольный завод на окраине Иркутска. Его мрачные стены, исполосованные временем и непогодой, хранили отголоски бывшего величия, а разбитые окна зияли чёрными провалами, впускающими внутрь холодный ветер. Время оставило на фасаде неизгладимый след: обрушившаяся кладка, почерневшие карнизы и осыпавшаяся штукатурка создавали причудливый готический узор.

Семён подал руку, чтобы помочь Ангелине спешиться, затем выставил подножку и слез сам.

– Готова к небольшому проникновению без взлома? – спросил он.

Она нервно сглотнула, глядя на высокий забор.

– Э-эм, ты предлагаешь забраться на территорию заброшенного завода? – на всякий случай уточнила она.

– Именно! – он с энтузиазмом потёр ладони, потом вынул из-под сиденья небольшой рюкзак, закинул на плечо и поторопился. – Пошли, а то до рассвета копать будем.

И уверенно двинулся к забору. Геля так и застыла истуканом.

– Предлагаешь лезть через него? – она указала взглядом на неприступную стену из одинаковых бетонных блоков.

– Можно было бы вырыть подкоп, но это затянется на всю ночь. Ну же, Ангела, неужто струсил?

– Я не уверена... – она вздёрнула вверх аккуратные бровки и отступила на шаг. – Что, если не получится? А если я упаду?

Семён улыбнулся.

– Я подстрахую тебя. Сложностей не будет, вот, смотри.

Он взбежал вверх по небольшой насыпи, ловко вскарабкался на выступ между двумя плитами, уцепился за край забора, подтянулся и лихо перекинул ногу через преграду.

– Плёвое дело, как видишь, – прокомментировал он с высоты ограждения, а потом совершенно по-паучьи спустился вниз, ловко орудуя руками и ногами.

Геля колебалась, но разыгрывать фатальную карту самоубийцы явно не входило в её планы.

– Плёвое для тебя, – спустила она мечтателя с небес на землю. – Я, знаешь ли, считаюсь не слишком спортивной, вернее сказать...

Семён быстро подошёл, обхватил за щёки и заставил смотреть на себя.

– Просто доверься мне, ага, – попросил, заглядывая в глаза. – Ты никак не пострадаешь и со всем справишься.

– Может, мы поищем дыру в заборе?

– Ангела, мы перелезем, – не терпящим возражения тоном заверил Самсонов.

– Ладно, – прошептала она. – Попробуем.

Не веря ни единой секунде этой дурацкой затеи, Геля покорила обстоятельствам и понуро пошлёпала к ограждению.

– Ногу ставишь сюда, а руками цепляешься здесь, – напутствовал Семён, указывая правильную комбинацию. – Ничего не бойся, я буду позади.

Она попробовала задрать ногу на выступ и даже справилась с задачей, но так и не поняла, за что держаться руками. Опасно покачнулась. Крепкие мужские руки упёрлись в поясницу, не позволяя упасть.

– Не паникуй, ты умничка. Теперь привстань на носочки и берись за верх. Подтягивайся!

– Сём, я не смогу, – со смехом выдавила из себя Геля.

– Ещё как сможешь, красавица. Оттолкнись ногами и тяни себя вверх.

– Это закончится свёрнутой шеей.

– Максимум ушибленной коленкой, но тебе не о чем переживать рядом с травматологом.

Окажу первую помощь по высшему разряду.

Она обернулась назад и ворчливо сказала:

– Спасибо, утешил.

– Утешу, как окажемся по ту сторону, – с намёком пообещал Семён. – Лезь уже, а то начну распускать руки.

На удивление, всё вышло, как он задумал. Подтянуться Геля не сумела, но авантюрист подсадил, позволив упереться ступней в свои сцепленные в замок руки, и она благополучно оказалась наверху, села, железной хваткой впившись в бетонную плиту. Через мгновение Семён очутился рядом, оттолкнулся ногами и с кошачьей грацией прыгнул на землю. Приземлился на полусогнутых, отряхнул ладони и с нетерпением воззрился на свою спутницу.

– Прыгай.

– С ума сошёл? Я же убьюсь.

– Здесь всего пара метров, не убьёшься, – он простёр руки в её сторону и поманил согнутыми ладонями. – Ну же, Ангела, иди ко мне. Я поймаю.

– Я тебя раздавлю, – почти серьёзно предупредила Геля.

– Буду только счастлив, если попробуешь.

– Ты чокнутый, – неодобрительно покачала она головой.

– Ты даже не представляешь, насколько. Прыгаешь? Или мне стянуть тебя за ноги?

– Господи, нет! Не приближайся. Я сама.

И она сиганула вниз. Но в самый ответственный момент футболка зацепилась за ржавый штырь. Геля почувствовала препятствие, дёрнулась, послышался скрип рвущейся ткани, а через миг она уже крепко стояла на ногах, руки покоились на твёрдых мужских плечах, поясницу жгло, а вокруг талии обвивались тёплые ладони.

– Я это сделала? – с удивлением спросила она.

Семён рассмеялся:

– И почти удачно! Дай-ка посмотрю, что с твоей спиной.

Он крутанул её на месте, заставив обернуться к себе задом, задрал кардиган и с ухмылкой заявил:

– Футболка своё отжила, – потом раздвинул края ткани и самыми кончиками пальцев прошёлся вдоль позвоночника. – Ты от вида крови сознание не теряешь?

– А есть девушки, которые теряют?

– Мало ли на свете истеричек. У тебя там небольшая царапина. Обработаем, как вернёмся назад к байку.

Геля повернулась, на лице сияла смущённая улыбка.

– Теперь у меня модный рваный стиль! – попыталась пошутить.

– Точно, ты в тренде, – подмигнул Семён. – К тому же, с боевым ранением!

Они засмеялись и медленно пошли по заброшенной территории, освещая путь фонариками из рюкзака. Геля с удивлением рассматривала остатки бывшего производства – огромные печи, застывшие навеки конвейеры, причудливые формы остывших стёкол.

– Почему ты привёз меня сюда?

– Просто захотелось. Я люблю подобные места. Когда-то здесь кипела жизнь, а теперь не слышно ни звука – есть в этом месте что-то величественное и в то же время жуткое.

В одном из цехов они устроили привал. Семён расстелил небольшой плед, достал термос с горячим чаем и упаковку с печеньем.

– Знаешь, – сказала Геля, отпив глоток чая из крышки, затем передала её Семёну, – я никогда не думала, что могу быть такой... авантюристкой.

Он улыбнулся, глядя ей в глаза.

– Ты можешь всё, что захочешь. А порванная футболка – это просто деталь образа отважной искательницы приключений.

– У тебя завтра выходной?

– Нет, к сожалению. В восемь утра нужно появиться на работе.

– Сём, но ведь уже три часа ночи! Ты же совсем не отдохнёшь перед сменой.

– Сделаю обход и завалюсь спать, не впервой. А какие у тебя планы на оставшийся до работы пару дней?

– О, ты знаешь, я решила продлить себе отдых, – Геля наполнила крышку свежей порцией чая и обхватила её обеими руками, согревая чуть продрогшие пальцы. – Вчера написала заявление на увольнение. Начальница не стала зверствовать и отпустила без положенной двухнедельной отработки. Так что с начала новой недели я официально обретаю статус бездельницы.

– А кто ты по образованию?

– Не поверишь, – она хихикнула, – психолог.

– И как же ты оказалась на почте?

Её восхитила его осведомлённость. Он помнил о месте работы, знал домашний адрес, будто и впрямь испытывал неподдельный интерес.

– Без опыта работы сложно устроиться, а на почте у мамы – родственница. Она и помогла устроиться. Первое время думала – это так, временно, но затянулось аж на десять лет.

– Есть идеи, где попытать счастье? – Семён дождался, пока она отпустит чашку, а потом заключил её ладони в свои, поднес к лицу и подул, согревая пальчики жаром своего дыхания.

– Попробую устроиться по профессии, – с сомнением проговорила Геля и замерла, вглядываясь в тёплую синеву его взгляда.

– Я знаю одно место, куда тебя возьмут с большой охотой. Я там подрабатываю... хм, скажем так, в свободное от работы время.

– Ой, нет, Сём, не стоит. Не хочу взваливать на тебя эти хлопоты.

– Какие хлопоты, ты о чём? Я сделаю им одолжение, когда приведу туда тебя.

– Давай обсудим это на свежую голову, – дипломатично предложила Геля.

– Сегодня у меня на редкость несвежая голова, – тихо поделился Семён и чуть подался вперёд, словно намереваясь поцеловать. Однако не сделал этого, лишь потёрся кончиком носа о её нос и шумно вдохнул, наполняя лёгкие запахом её кожи. – Хочешь увидеть город с высоты? На крыше отличный вид.

Геля замялась, одёргивая на спине рваные края футболки.

– А это безопасно? И как мы туда попадём? Вдруг я не смогу подняться?

– Трусишка, – пожурил он. – Есть служебная лестница. Я много раз там бывал. Из опасностей там только мусор на крыше.

Они медленно поднимались по скрипучим ступеням. Геле то и дело хотелось попросить остановку, чтобы перевести дух, но она упрямо карабкалась вверх по крутым ступенькам

металлической лестницы. Семён спокойно шёл позади, не испытывая ни малейшего дискомфорта.

– Последний пролёт немного шаткий, лучше держаться за перила, – предусмотрительно предупредил он, и Геля тут же обеими руками схватила за перила.

На крыше ветер оказался настолько сильным, что едва не сбивал с ног. Геля отчаянно вцепилась в руку Семёна, чувствуя, как сердце колотится в груди.

– Вот это да! – восхищённо прошептала она, когда страх немного отступил. – Никогда не видела город с такой высоты. Кажется, что весь Иркутск лежит у наших ног.

Семён достал из рюкзака несколько цветных дымовых шашек. *А он основательно подготовился к этой поездке*, подумалось ей.

– У меня есть сюрприз. Только давай аккуратно.

Он поджёт фитиль первой шашки. Сиреневый дым медленно поднялся в небо, распространяя вокруг плотную завесу цветного смога. Затем последовали зелёные и красные клубы.

– Да ты романтик, Семён Игоревич! – воскликнула Геля, жадно впитывая в себя каждое мгновение этой чудесной ночи.

– Я не волшебник, я только учусь, – улыбнулся Семён, цитируя старый советский чёрно-белый фильм из детства – «Золушка», и обнял свою напарницу по приключениям. – Создаём свои собственные чудеса.

Они стояли, прижавшись друг к другу, наблюдая, как дым рассеивается в ночном воздухе. Геля чувствовала невероятный прилив восторга.

Вокруг не происходило ничего необычного: ночь, крыша заброшенного завода, яркий дым шашек и общество самого невероятного доктора во всём городе; но ей хотелось петь и танцевать.

Геля прижалась к мужчине, чувствуя, как тепло разливается по всему телу.

– Спасибо тебе за эту ночь. И за то, что веришь в меня даже больше, чем я сама.

– Знаешь, какую благодарность предпочитают врачи? – Семён сбросил с крыши последнюю выдохшуюся шашку, отёр руку о штанину и нежно коснулся её щеки.

– Коньяк? – шутливо предположила она.

– Настоящий армянский пятизвёздочный? – с деланным энтузиазмом спросил он.

– Боюсь, тебя ждёт разочарование, я хотела отделаться бутылкой за триста рублей.

– Вот ты жадина!

Она первой потянулась губами к его улыбке и растворилась в тающей ласке. Она могла бы ожидать, что его поцелуи жаркие, воспламеняющие, требовательные, но реальность оказалась куда прекраснее. Он не старался вскружить ей голову, а словно бы завоёвывал доверие. Медленно, с расстановкой и очень методично. Он воспламенял, но не подливал масла в огонь.

Они ещё долго стояли на крыше, любуясь пасторальным пейзажем и далёкими огнями города. Геля куталась в мужские объятия, как в самый тёплый плед, с удовольствием ощущала у виска жар его мерного дыхания и боролась с желанием ущипнуть себя.

– Почему ты относишься ко мне в больнице иначе? – вопрос сам слетел с языка. – В смысле, мне казалось, что я тебя чем-то раздражаю.

– Ты нарушила мой покой, – задумчиво сказал Семён, – а я его очень ревностно оберегаю.

– Ты был женат?

– Я и сейчас не свободен, – он помолчал для острастки. Геля напряглась всем телом. – В том смысле, что моя вторая половинка – это работа. А так нет, в ЗАГС меня никто не водил.

– Вот ты жук первомайский, – она легонько шлёпнула его по руке, которая обвивалась вокруг живота, и только сейчас поняла, что не пытается втянуть ненавистную часть тела и вообще как бы то ни было спрятаться. Она будто прониклась уверенностью, что нравится ему на самом деле.

– А ты была замужем?

– Ну-у, знаешь, как бы... – она замялась.

Семён резко развернул её лицом к себе и жадно впился взглядом.

– Знаешь **что?** – с натугой спросил он, и развесёлая ухмылка напрочь исчезла.

– Как-то не зовут, – Геля пожала плечами и не удержалась от смеха.

– Ах, вот оно что, – он хохотнул в ответ. – Один-один, значит. Ладно, я ещё отыграюсь.

– Только не заиграйся, – она щёлкнула его пальчиком по носу и со щемящей сердце нежностью прижалась щекой к плечу.

Домой она вернулась с рассветом. Окрылённая, опьянённая и невероятно счастливая. Семён, как и обещал, обработал неглубокий порез хлоргексидином из аптечки, которую всегда возил с собой. Стоя в спальне у зеркала, Геля разглядывала неаккуратный зигзаг, который оставил на коже металлический штырь, и улыбалась, как полоумная.

Всё-таки иногда люди выигрывают в лотерее. Вот ей явно достался джекпот. Пирсингованный, татуированный и эрудированный бунтарь на кастомном «Урале».

Проснулась Геля к полудню, да и то от звука входящего сообщения. Медленно отняла взлохмаченную голову от подушки, нащарила телефон и увидела на экране блокировки оповещение от «Телеграма» с именем «Семён». Что-то внутри оборвалось и холодным комком шлёпнулось в желудок. По коже побежали стада суетливых мурашек.

Она открыла мессенджер и увидела сразу несколько присланных «кружочков». Нажала на первый. Улыбчивое лицо Семёна заговорило:

– Привет, Ангела! Решил рассказать тебе, как проходит мой день. На работе я сегодня с семи утра, впрочем, как и всегда. Заведующий – это тебе не шутки. Пока все спят, я уже проверяю истории болезней, планы операций... И да, половина историй написана так, что понять, где у пациента перелом – левая нога или правая рука, можно только с помощью хрустального шара. Благо, у меня прабабка – потомственная гадалка.

Запись прервалась. Геля хихикнула, села поудобнее и записала в ответ голосовое сообщение:

– Сёма, привет! Мне, правда, искренне жаль, что тебе приходится работать после бессонной ночи. Впредь давай ограничиваться вечерними прогулками.

И, кстати, мне нравится твой трудоголизм. Как и твоя родословная. Прабабушка – гадалка – это мечта, как-нибудь обязательно попрошу тебя погадать. А кто у тебя родители? И, если не сложно, пришли мне фото сестры-близняшки, страсть как хочется посмотреть на тебя в женском облике, или вы совсем не похожи?

Она отправила послание и с замиранием сердца приступила к просмотру следующей весточки от хвастливого доктора. На сей раз Семён не сидел в кресле у окна с кремовыми жалюзи, а стремительно мчался по коридору:

– В общем, к восьми утра начинается обход, о чем ты и так знаешь. И я уже сожалею, что изображал из себя сдержанного профессионала, когда оказывался рядом с тобой. Хочу снова послушать, как бьётся твоё сердце. Очень-очень внимательно.

Геля прикусила губу и сползла по подушке. Ей вспомнился этот ежедневный ритуал, а буйное воображение снабдило его парой фантастически ярких деталей, которые не имели места в действительности.

– Но давай-ка вернёмся к мыслям о работе, иначе торчат мне под струями ледяного душа. Так, о чём я? Ах да, обход. Тут главное не перепутать, кто из пациентов вчера упал с лестницы, а кто неудачно станцевал лезгинку на свадьбе. Каждый случай уникален, как отпечаток пальца.

К слову о пациентах. Сегодня к нам дедок поступил и давай расписывать, как он «просто споткнулся о коврик» – а на рентгене полный набор: перелом шейки бедра, трещина в тазу и вывих плеча. Видимо, коврик хорошенько дал сдачи.

Видео снова оборвалось. Геля только начала диктовать ответ, как телефон разразился мелодией и уведомил о входящем видеозвонке. Она встрепенулась и отклонила вызов. Семён настойчиво повторил попытку связаться. Она снова смахнула звонок и быстро напечатала:

«Я только проснулась. Поверь, ты не захочешь увидеть меня в таком виде».

Настырный доктор вновь предпринял попытку пообщаться через камеру. Геля чертыхнулась и направила экран в потолок.

– Почему я записываю тебе чёртовы «кружочки», а в ответ получаю какие-то жалкие голосовые? – в его голосе слышалась нотка раздражения. – Ангела!

– Сём, я... не очень люблю фото, а видео и подавно. Ну, ты понимаешь...

– Не понимаю, – перебил он. – Потому что хочу видеть твои глаза и улыбку, когда разговариваем, а не пялиться в потолок.

Она со вздохом навела камеру на себя и спряталась за завесой волос.

Семён сидел у себя в кабинете, справа пестрел строчками монитор компьютера, слева светились ярким дневным светом задёрнутые жалюзи.

– Смею тебе напомнить, что я видел тебя в пижаме и спросонья. Так что если ты хотела побережь эту красоту до первого совместного утра, то прогадала. Убери волосы от лица, пожалуйста.

Она неуверенно откинула пряди со лба и робко, будто преодолевая страх, посмотрела в камеру.

– Привет, – Семён улыбнулся и скорчил рожицу.

– Привет, – Геля ощутила, как наливаются огненным румянцем щёки.

– Прекращай меня стесняться. Кто вообще внушил тебе мысль, что ты можешь быть некрасивой?

– М-м, зеркало?

– Чушь собачья, оно у тебя какое-то кривое. Знаешь, зачем я позвонил?

– Вогнать меня в краску?

– Мне нравится этот глагол из твоих уст, – Семён ухмыльнулся, облизнул губы, словно смакуя все оттенки красочной фантазии, которая мелькнула в голове, потом добавил. – Я хотел пригласить тебя на обед. Только не в торговый центр, ага? Сжался над моим желудком.

– Я не против, если ты выберешь место, куда пустят в майке и джинсах, иначе я буду собираться до самого ужина.

– Отлично, тогда я пришлю за тобой такси.

– Эй, полегче! Я и сама могу приехать, ты только скажи, куда.

– Если скажу, тебе придётся показать мне свою сегодняшнюю пижаму. Целиком.

Геля разразилась смехом.

– Серьёзно?

– Более чем, – Семён откинулся на спинку кресла и обхватил рукой затылок. – Так что, вызывать такси?

– А если на мне застиранная футболка и бабкины панталоны?

– Я готов любоваться хоть скафандром, если в нём будешь ты, – льстиво отозвался он.

Геля прижала телефон к груди и беззвучно завершала, совсем как школьница, впервые влюбившаяся в старшеклассника-хулигана. Потом набралась храбрости, улеглась вдоль кровати и подняла телефон на расстояние вытянутой руки. Медленно повела им вниз, давая обзор на алый велюровый комплект из майки с кружевной окантовкой и шортикам в тон. Её не покидала мысль, что на теле нет бюстгальтера, и весьма аппетитная грудь являет собой бесформенное зрелище. Да и бедра далеки от идеала.

Закончив с обзорной «экскурсией», Геля перевернулась на живот и прислонила телефон к изголовью.

– Ты уверена, что это ночной костюм твоей бабки? – спросил Семён.

Она кивнула, не в силах произнести что-то вслух. Сердце гулко стучало, в животе ворочался горячий шар желания. Она не смогла бы признаться, но эта выходка наэлектризовала всё внутри. Судя по всему, на Семёна она тоже подействовала опьяняюще. Он неотрывно смотрел в камеру, глаза блестели, словно два озерца во время дождя, а по губам блуждала манящая улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.